

СМЕНА

№ 24

ДЕКАБРЬ

1932 г.

ИЗДАНИЕ „КОМСОМОЛЬСКОЙ ПРАВДЫ“

КУЛЬТУРНО ЖИТЬ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНО РАБОТАТЬ

К пяти часам вечера стихает немного гуд трансмиссии. Слышен запах мыльной воды из резцов. Скрипит проволочная метла, сбрасывающая на пол разноцветные пружинки стержней. Владке веселится сигнальный звонок.

Рабочие оттирают асфальт мылом и опилками серые руки.

В разные стороны по заводским дорожкам идут торопливые люди. Завтра—выходной. Быстро пройдет ночь, и тысячи мыльников разбегутся по тропинкам Советского союза. Свежий ветер проветрит легкие. Затеющие мускулы приобретут упругость. Огромная зарплата силой в бодорости придет вперед за сырым организованной лыжной вылазкой.

Десетки и сотни тысяч пар лыж надо выработать на советский рынок, чтобы полностью снабдить трудящуюся молодежь. Это можно сделать только при условии тщательной подготовки к лыжному сезону. Старая поговорка: «Готовь сани летом, а телегу зимой»— вполне здесь применима.

На фотографии—ударники отбирают лыжи в Петровском пассаже.

Гулко удрает колокол Минераловодского конского завода. Со всех сторон идут в столовую рабочие. На чистых клеенках, окруженные паром, стоят миски с вкусными мясным супом. Через окно, прорезанное в стене кухни, виден повар, раскалывающий на тарелки кашу с кусочками мяса. В стороне работница в белом фартуке режет пшениш, хорошо вымоченный хлеб.

Эдуард Джениер, изобретатель опосривания, выдержал в свое время страшную борьбу с помоями. Несмотря на проклятия черкы, найравленные на сальтовское Новодедне, освещающее душу, привинка осы быстро распространилась по Европе. Кошмар человечества—осы—стал угасать.

Но в царской России среди отсталых и забытых народностей осы продолжала хозяйничать. Систематической напряженной борьбы с нею никто не вел.

Продолжатели дела христианских попов—туркменские захари всецело сопротивляются распространению вакцинации. Они объявляли ее враждебной религии.

Советская власть пошла на труднейший пруступ, чтобы одновременно убить заразу и иракобесие. Советская медицина одержала за последние годы крупные победы. Она проиграла в самые отдаленные углы нашего Союза, неся отсталым народностям оздоровление и социалистическую культуру.

Все чаще отдают предпочтение врачу перед амазирем туркменские крестьяне, в первую очередь колхозники. Сейчас в колхозах проводят опосрививочная кампания.

За все время не было случая отказа колхозников от прививки осы.

На снимке—ударница Юлия Усдепает прививку туркменско-колыхознице.

Добиться вкусного и дешевого обеда для рабочих — дело чести комсомоло. Взгляда на работу кухни как на работу второго сорта разбит. Победа в этой области так же важна, как победа на любом участке социалистического строительства.

Очень часто при равных условиях снабжения на одном предприятии кормят отлично, а на другом—отвратительно. Решают люди.

На Минераловодском конзаводе открыта новая общественная столовая, где за 65 копеек рабочий получает сытный мясной обед. Одновременно столовой начала работать механизированная хлебопекарня.

На снимке — здание новой столовой.

— Подумаешь, украшения — ковры, статуи!

Василий Лузев презрительно покачал плечами и добавил:

— Я этого не признаю. С ним начали ожесточенно спорить. Он пробовал доказывать правоту своих слов, но вскоре умолк, побежденный.

Должно быть мало найдется молодых рабочих и вузовцев, которые, подобно Лузеву, навзлательски относятся к красивым вещам, к зловрому уюту, к тщательно отполированной мебели.

Чистота, красивая обстановка, удобные кресла, художественные картины и плакаты помогают работать и отдыхать.

Осенний дождь размывает дорожки. Простой ветер останавливает пешеходов. Внезапно начинает идти снег, и сильные морозы превращают слякоть в азовый лед. Жестокая стужа летит над полями, низ деревням.

В любую погоду — а дождь, снег и буря — должна работать почта. Лучшие ударники-письмовоссы отправляются в свой каждодневный рейс, нагруженные письмами и газетами, вне зависимости от метеорологических условий.

К таким ударникам связи относятся товарищи Митрофанова — писмопомощец Солнечногорского района, Московской области. Она отлично понимает огромную важность и ответственность почтовой работы, и не было еще случаев, чтобы она не выполняла возложенной на нее задачи.

Кроме того т. Митрофанова добилась стопроцентного охвата колхозников и с/пунктовиков своего колхоза подлинной на газету.

На фотографии — ударный писмопомощец т. Митрофанова.

Многие знают об этом, но очень немногие заботятся о создании подобных условий для отдыха.

Отличным примером являются руководители, днепропетровского Дворца культуры. Комната отдыха в этом дворце, изображенная на нашем снимке, — наглядный урок заботы об удобных отдыхающих рабочих.

Молодой коренастый парень в кожанке и крагах заходит в клуб. Он прохромит мимо вешалки, не раздеваясь. Он знает, что скоро уйдет отсюда.

В первой комнате скучно навзлает один лыжец на пианино какой-то мальчуган. Во второй — стоит пыльный стол, заваленный старыми газетами. В третьей — несколько человек разглядывают плакаты о скрапирате.

А из зала доносится монотонный голос лектора-биолога.

«Да,—думает парень,—не стоило раздеваться. И он идет мимо той же вешалки, спускается по лестнице и попадает на улицу. Он стоит несколько минут у подъезда и размышляет: «куда бы податься от этой скучи?»

И тут на помощь ему приходит развлекание молодые люди, заседающие наружные девушки.

Вечорка, бульвар, пианна начинают тогда побеждать скучный клуб. И на эти вечерние арены выходит бороться за молодежь классовой арты.

Каждый молодой рабочий, отвоинанный у нас худгангами, — это лозорный провал в нашей работе. Молодежь любит здоровые развлечения, смех, игры, танцы, песни. И мы не можем отругать наших производственных задал от борьбы за рабочий досуг, от борьбы за молодежь в быту.

Песня может дельть стада. Плахота т чейка, где после гулка не пом, не смеется.

В днепропетровском Дворце культуры активисты сумели организовать отличный хоррукорк. Он пользуется большой популярностью среди молодежи. На нашей фотографии — занятия кружка.

Д.М. ЛЕБЕДЕВ

Рис. Б. Проор-Когз

ТЕНЬ ГЕНСБОРО И АВТОБУСЫ

«Мальчик в голубом», он словно сошел с полотна великого Генсборо¹, на котором шел на ильба заслонил ум и сердце. Он был холоден, как настоящий бритт, и невозмутим, как голландец. И вестник в его глазах играл голубой ветер Шотландии. Отец оставил свой труд под воротами Претории, неудачно поменявшись силами с бурской повстанческой армией. Мать сделала из него художника,— он не возражал. Ему было все равно: с таким же успехом он мог бы стать директором банка или командиром дивизии. Так вышло, что молодой Малькольм Макларен стал членом группы «Бешеный тигр», одного из тех бесчисленных художественных объединений, которые считали своей покровительницей леди Май, до стойкую наследницу великого английского портретиста Генсборо. В кругах «Бешеного тигра» считалось неуместным хвалить что-либо кроме английской живописи, а так как последнюю в наши дни разбавлять нелегко, то приходилось только снисходительно похлопывать по плечу художников, теоретически приблизившихся—конечно в очень отдаленной степени—к творениям великого Томаса. Так возникла целая критическая школа, считавшая, что французская живопись умерла вместе с Ватто, а итальянская не существовала после Корраджо, и с упорством аристократических маньяков провозглашавшая величайшим художником истории Гравею, замечательного только тем, что он был учителем Генсборо.

И все же в этой плеяде были совсем недурные художники. Лучшим из них был вестник Мальарен. Спокойный и уверенный в себе, больше джентльменом, чем художником, артист, ставший по бедности гордым пажем музы двух измерений, он ни разу не позволил себе отступить от девиза, украшавшего салон «бешеных тигров»: «искусство — для искусства, а не для искусства». «Бешеные тигры» считали позором торговать своими картинами, они никогда не рекламировались, а вернее их выставок била отсутствие прессы, которую они не считали нужным покупать. Единственными покупателями у «бешеных тигров» были именитые меценаты, номинально получавшие картины в подарок и потом стыдливо посылавшие им крупные чеки в розовых раздушенных конвертах.

Когда началась война, соседи «бешеных тигров»—мастера и иезуитически гении многодневных школ—быстро нашли себе место в великодушном особняке лорда Крю, где было сосредоточено массовое производство литературно-художественных немецких зверств и где были достигнуты некоторые успехи в передаче фактуры корабельного тела или экспрессивной грациозной женщины, только что подвергнутой коллективному изнасилованию. И среди «бешеных тигров» нашлось несколько таких, которые были ослеплены сиянием золотого стандарта. Но Макларен неизменно презрительно молчал о них и об их цокровителях, предпочитая сухую благодарность господ изощренной лести их лакеям. Он возмущался переставшими все предложения лорда Бивербрука и брезгливо отверг тонкий манер королевской ласки Ллойда-Джорджа, намеревавшегося украсить его картинами чудесные протесты Буккингемского дворца.

Многих занимал этот последовательный снобизм Макларена, и они залучивались, не было ли в нем каких-то скрытых революционных искр. Но это были пустые предположения

Малькольм Макларен был истый британец в патриот, только ему претили джигонистские восторги долей, окружающих патристические салоны Черчилля, Нортклиффа, Никольсона, Марьяборн. Он оставался верным себе—джентльменом без всякой погони за преобладающим успехом. Он жил в вечности и для вечности.

Никто не знал, что именно Макларен был автором теории творческого завеса, ставшей официальной заповедью законодателей худо-

жественных мод в Англии. Он утверждал—и вместе с ним это утверждали его непринятые прозелиты—что художник, подобно океану, испытывает периодические приливы творческой энергии и эти приливы имеют качественное выражение. У самого Макларена приливы историко-патетических мотивов сменялись бесостыжной депрессией, за которой шла весна пестрой журнальной графики, а потом—жаркие экскурсы в свирское средневековье Лондона—Уайтчепл.

Великий скриняк стоял у подъезда бара.

¹ Томас Генсборо—выдающийся английский портретист (1727—1789), самый чванный живописец британской империи второй половины XVIII века.

— Вещи сред не может не действовать на меня,—говорил он.—Все хотят победы англичанской армии. Я же победил. Творческое заражение неизбежно должно пройти. Тогда я сяду и напишу картину, возмещающую победоносных британцев, но не поспе того и не раньше.

— Да пришла сведения о первом сражении с эскадрой адмирала Трипуца, он долго сидел над картой Немецкого моря и ждал заражения. Но заражение не пришло, и получившаяся мажорная настель давала редкий, почти прозрачный рисунок воды, играла красками, от которых глаза воспринимали прекрасную свежесть океана, а все существо зрителя наполнялось мотвами несомняемого лазурного утра. Лорд Эшли, которому Макларен решил показать свою картину, долго стоял перед ней, весь во власти очарованного молчания.

— Вы—настоящий мастер, Малькольм,—сказал он.—Эта картина стоит кисти величайших маринистов. Год назад о ней говорил бы весь мир. Но... сейчас Немецкое море имеет еще некоторые другие свойства, кроме лазурной воли. Там таятся немецкие подводные лодки. Там наш флот одерживает свои победы. Море не может быть абстрактным для англичанина Вайджинте на его глазах британца.

Лорд Эшли крепко пожал Макларену руку. Он ушел, не попросив прислать ему, как обычно, картину и не прислав своего обязательно то стального конвертика. Малькольм понял, что это был ответ не одного Лорда Эшли. Он понял, что в салоне леди Мэй начинается новая полоса: здесь все чаще мелькает и узенький перекообразный Крю, и оброзглый Бивербрук, и франтоватый, всегда презрительный Нортманнф. В последний раз, когда круглая леди, как всегда, провозжала его из своего бархатного кабинета, стилизованного под приемную королевы Виктории, она сущее обычного пожелала ему спокойной ночи и многозначительно сказала на прощание:

— Великий Гейсборо был также и великим патриотом Англии, Малькольм.

Как-то сразу, совсем неожиданно, случилось, что салон леди Мэй для него оказался закрытым. От «бешеных тигров» ничего не осталось. Они распались по газетам, по штабам, где хорошо возмещался недостаток мастерства в лхвой возмещалась ненависть ко всему немецкому. Последний из встреченных—Чарльз Бойль, замечательно веселый старикашка и замечательно редкий идюот, как говаривало о нем Малькольм,—тоже полупрезрительно пробежал мимо и только швырнул находку:

— Идите к виконту Хара, Малькольм.

Виконт Хара, советник японского посольства, воплощенная корректность и безукоризненный джентльмен, был признанным поклонником «бешеных тигров» и их традиционные ассамблеи нередко переносились в его замечательную виллу в Хемпстед, где башнеобразный глум-малец и маленькая жена в чернооливом кимоно были обязательны, как туман на Пикадилли. Макларен заглянул к нему некогда, вспомнилась недавние старые споры о Бердасе, о Кандидском, о Ропсе¹—японец незамедленно обнаруживал стойкую зрелищную заведанную аристократических вернисажей.

— Я давно хотел вас видеть, виконт. Поседки в Париж и в Рим оговариваю меня от лондонского общества. Вы, надеюсь, не в беде?

— О, нет, насколько. Я ждал вас, Малькольм. Беседа с вами мне всегда дорога, как открытие.

И в чуть-чуть менее натянутой корректности, в том, как виконт чуть-чуть фанфарноса обычного тронул его плечо, Малькольм почувствовал: японец все знает... Разговор потонул по обычной дорожке пережеванных новостей, которые давно уже стали несделанными, как вечерняя партия в покер. Виконт заметил, что на осенней выставке молодых в Париже преобладали артиллерийские бомбардировки, равнения и национальные героны.

— Несомненно,—заметил он,—большое влияние патриотического духа на художников. Когда вся страна занята войной...

— Я не понимаю этого,—недовольно прервал его Макларен.—Разве нельзя быть патриотом и оставаться верным искусству?

Виконт замил этот разговор.

— У вас есть новые сюжетны?—спросил он. С нарочитой небрежностью Малькольм мелдил с ответом.

— пейзаж Минорки,—сказал он, помочая.—Мне хотелось передать замечательный ветер

Коро,—только он умел так изображать ветер,—и море мягкое, как... как японская ткань.

Он остановился и внутренне прождал себя. —Я уже начинаю торговать своим искусством, как барышник,—подумал он.

Виконт сказал, как всегда, корректно, с некоторым даже отточенным радостями:

— Вы позволите мне посмотреть?

Когда на следующий вечер Макларен получил характерный шелковой гюжест с чеком на

250 фунтов, он долго боролся с желанием отсалить его обругно. Но высокий испонитивный туман уже унес его голубой вестер, а в комнате было небурно и сыро, потому что прислуга, долго не получавшая денег, ушла ночью, не оставив даже записки. Он стиснул зубы и сунул чек в портмоне.

Через месяц таким же образом японец опесил «Вечер в Абруццо», а еще через три месяца—Шотландскую сюнту. Макларен стал уже

Лица вспыхнула фонтаном тухнущих солнц.

¹ Популярный валдволевровский художник.

потихоньку влюбился в своего бескомпромиссного мейстера, и чего-то не хватало: годовка, когда однажды вкрадываясь к нему из самой глубины прирученных морщинами глаз произнес любовно, почти заклинающее: «Господи, победь акварели, оставь шаром... Он говорит, что вы интуитивно овладели секретом японской тональности. Он говорит, что ваши краски звучат, что в ваших композициях вы достигли графического совершенства живописи».

— Я очень люблю... — начал было Макларен, но вникнул прервал его.

— Нет, нет, господин барон вовсе не ограничивается только гравюрами и воспоминанием. Он просит меня передать вам этот конверт... слабое отражение его перепеваемого послания...

Словоз стыдливый парадигм конверта Макларен с изумлением зафиксировал цифру «1000». Он не успел спросить, — аноним говорит быстро и не давал ему опомниться:

— Господин барон не сомневайтесь, что традиционная позиция японского мейстера зарлат вас. Ему очень хотелось бы видеть в своей домашней галерее родноно японских кисти. Но он сохранил верность японским сюжатам. Как мы вы отписались к вам? Поебедил японши над германскими войсками в Циндао?

— Поебедил, не было года? Японши только готовились к ней, и Малькольм посмотрел на войска, отобесие? Он неловко жмак в рукав изысканной вышивки.

— Разумеется, это только аванс... все так как акваридю продолжал Хара. — Едва вас устроит пять тысяч, я намекую барону. Вопрос о гонораре не является предметом споры.

— Минутой Макларен шаркнул в лицо Хара — слышалась злобное, потом расхохотался, а — — Вы замечательный человек, вникнул, — сказал он. — Мне говорили, что вы в Японии еще не так про торжуют, жене вы не продали японские?

— Хара улыбнулся своей кривой улыбкой и проинесил пожал плечам.

— Как вам угодно, — сказал он. — Не смею вас задвигать.

— В этот день, — услыш портной бегущих тигров, инвентаря Малькольма, что он, к сожалению, вынужден закрыть свой студия.

— Настали тяжелые времена, сэръ, — констатировал он. — Сейчас мы все должны быть патриотами.

— Эти годы прошли, как сон, надоедливый и серый. Потом, когда грома «поебедил на Сомме и в Аррасе отпечатались строчкими версальских параданов, как-то сразу «вторые десятилетия» провозгласила. Малахитовый шарм. И донашивала последние наметки последней сорочки, и карандаш его давно не вывезли в туго набитым кошельком, когда леди Мэй ами-сказала его в Париже, в последнем изысканном викари — на визу Поля и Умбидон.

— Теперь, когда патриотизм упал в цене, — сказала она с величественным аристократическим интонацией, — как вы изживаете себя, инженер. Вы все так же верны себе, Малькольм?

— Он постарался быть великим, как мог: после одиночества заедала его все больше, а в карманах звенела убогая, вудная пуста. Пошли ошши, ошши к традиционной бескомпромиссности шумами от слова Теодор, о чудесных миниатюрах Петра и Исаака Ошверов, о гравюрах Тоттарта, об аллегорической прилюдности галереи Рейнхольда.

— Малькольм, порадовался, как мало выводили теперь его все эти зги. Стоило все пять лет, лет войны лодки были загнигитозированы в салоне леди Мэй, а сейчас, когда военный гипноз прошел, они вернулись к традиционной бескомпромиссности салонных дискуссий. Он был оторван от салона эти годы. Жизнь бросала его в сирые авралы Уайтчепла, в вильные немецкие порты, в заброшенные каторги Вудрича. Он, он учил видеть — как наизусть, и его поразало, что ни один из встреченных им людей не носил в себе животного хлорофта эмочки, который оплодотворял бы его таинственный кивер. В конце концов все натурально оказалось

весь его собственным художественным вымыслом: он мог бы быть тем, или другим — жизнь им дала бесконтрольный прихоть его кисти. Но за ошши его студии люди никогда не были интуитивны. Ему захотелось правды. Ему встретился картинщик Захар, затворщик лорд Эшлин встретил молча. Леди Мэй только улыбаясь и сказала с отменкой порицания: — Милый Макларен, вы потеряли тайну красоты. Охладите.

Он похрюкал изысканное общество салона, когда в день всеобщей забастовки зарисовывал гризюков, которые избивали штрейбехера. Его встретили совсем сухо, когда в день столетнего юбилея Скотланд-ярда — он подарил музею свой исторический эскиз: пятки допрашиваемых в стенах старого Скотланд-ярда. Музей отказался принять его картину, а какой-то отставной полковник и «Катинь» назвал его бесовьистским шлюном.

— Где ваша лазурь, Малькольм? — нежно укоряла его леди Мэй. — Где ваши базазлы Миншри и южной стороны Сливини?

Макларен отвечал с достоинством, но в tone его все чаще появлялись нотки мальчишеского задора:

— Вы укоряли меня раньше за лазурь и базазлы. Вы требовали жизни. Разве завтрак матросов и забастовка — не настоящая жизнь? Тогда леди Мэй укоризненно качала головой и уходила прочь.

— Но какую жизнь? — говорила она нахудо, словно бовсе возраженки. — Искусство должно жить, к возмущению.

— И зову невар! — кричал он падею.

— Ему хотелось прибавить: «только не вас», но традиции салона леди Мэй держали его в стальных наручниках условной деликатности. И он молчал.

Восемь лет его картин принажились как нежданные. Их ждали, как оприваки прируд, и покупали, чтобы от них избавиться. Он мог бы сказать о себе словами Бернарда Шоу: — Разве искусство может существовать, если не жить за то, что к названию их издотают? Леди Мэй пообещала Уайчуду, он мог бы сказать, что жизнь, чаще — подражает искусству, и искусство, в свою очередь, подражает жизни. Но летен, часто сродни динные лоды, и он потом встречал их в толпе.

Восемь лет улетели, оставив на голове белую прядь. Все той же скромной квартире на четвертом этаже в самом узком из переулков Тай-Гольборна он два, серия портретов работы, о которой французские академики говорили с моточеством: «Малькольм Макларен, о восхитительных красках великого мастера. В салоне леди Мэй улыбнулись восторгом дилетантствующих иностранцев, и только сама старшая леди позволила себе брезгливую формулу:

— Но ведь немик Томас рисовал принцесс!

— Малькольм, смеялся, и в салон его больше не приглашали. В комиссионных лавках его картины не находили покупателями на выставках их-хвалдин и возвращали назад. Скромный в своих потребностях, он жил на гроши, встречаясь величественно презрением — разирешения, и не мог утешиться в общении с искусством, почитившими портреты мейстеров сомнительного искусства Макларена. Наступило время величавости прощальности, открытого торжеству — «только искусство». Чобисесть лет он рисовал натернику, и оно должно было — продрываться в аптекях Арлово Беннет, которого критики называли соронерком Гейтсворта и котормый карьеру Мартина Гибсона. Он, он выходясь из ничтожества к мировой славе, расхаживает по миру по казенному билету и ненавидит большевиков по заказу Даунинг-стрит. Малькольм Ошверт видел роман изобразительных зверей, пятающихся человечеством: это московские комиссары. Так артисты начинали петь осанну Болдуину, и поэты крестились на Черной Кавказе Мартина Гибсона.

— Боже мой! — бормотал про себя Малькольм. — Когда же наступит конец этому холоду?

— Когда придет Бойль, немалой порой мило Малькольма в своем беснуном аимуне, кивал ему, как и раньше, покровительственно и интимно, иногда даже опускался до разговора с ним, — тогда улетит этой широкой мальшине.

— Обмане искусство, — говорил он, — тогда только высшим классам. Ты ищешь самоуверенности у толпы. Разве способна она понять и оценить тебя так, как интеллектуальная элита? Только капитал дает тебе работу и вдохновение.

Он сам писал несколько батальные сцена по заказу военного министерства. Он украсил

—Если вас устроит пять тысяч, я намекаю барону...

простоем вестиблю министерства «эффектной красной-серой» композиции на тему «Смерть героя Сандилса». В пароквом диму, отбывая свое звание у четырех зрительных германцев, имеющих вид «аноканитических зверей, падает извещением сиренной смертельной пулей кавальера ошверстких стрелков Сандилс. Однако, не желая отдавать знамени, он взывает себя гратной. В красных клубах порохового дыма кристальному смутное видение орден Виктори. Сандилс был другим смею Макларена. Это был горный пропония, и его товарищ майор Крожер в письме, ставшем посмертной эпитафией, прогласивал писателю, что капитан был разорван собственной гратной, которой он пробовал отбить горничную у бутылки...

— Вы — грязная, разирешивая мошриш, — сказал Макларен после этого случая Бойлю с выражением величавой брезгливости.

Макларен осунулся, постонные, гололодки сделали его сухим и желтым. День за днем он встречался с такими же тенями, лоды и ненавидел их. Лодыя потому, что разделял с ними видение и одиночество. Ненавидел потому, что видел в них свое отражение. Штатакс без дела по городу, он узнал страшные вещи.

Он узнал, что в Лондоне открыто десять театров, и артисты подраивают искусство или зарабатывают хлеб, шатаясь по дорогам бродячими трупками, как когда-то во времена Марин Спюарт. Он узнал, что известный скрипач Мердок стоял у подвала какого-то бара на Пикадилли. Он узнал, что в Лондоне выдвигается тысяча художников обременен на голод. Это было неожиданно и страшно. Пятдцать тысяч художников! А ведь в Англии совсем нет искусства. Кошмет-Гиддесков ошверт братили в Мюзик-Холл. Два десятка книг заключены, и на них лугаве прохоних римский бросок последнего сигнала.

— В одной из художественных школ, куда его приглашали для какой-то маленькой лекции за порок шавингов, он увидел учеников, которые наполняли ему будничных свечок. Желтые и худые, они сидели молча и шипели, а галлом преподаватель, ничего не понимая. Преподаватель, старый отставной художник, у которого дрожали руки, а на кончиках пальцев звилли дровяные остовы бедности, говорил, что это — великом искусстве произошло, о естественной пластике природы, о контурном совершенстве снежников и много такого, что привнес Макларена в состояние извращения. Лекция прошла сухо, и ему не задали ни одного вопроса.

— Они падают, — говорил учитель, хрипя и нерастенностями подвизывая учеников, — они падают отсюда бедности, говорят, что-то о море — о уроке. Мальчик три дня не ел. Ах, сэръ...

В другой школе инвалиды с перекосными

1 День отпался в вечер субботы до повелеванияного утра.

войной лицом и скрипячим костяком вместо ног рассказывала детям батальные сценки из своих колониальных походов в Вест-Инди. Он туло лодкой, как Магеллан, спускался с его, к какому художественному направлению он принадлежит, и на бумажке министерства писал замечания каракулями. Потом он попался, что не имеет никакого образования.

— Что поделешь, сэр? Мне больше не на что жить, Старый учитель ушел отсюда, потому что ему перестали платить. А я обучаю за копейку и пишу.

Желаний и всем недобровольный Макарен истерически кричал дружбам:

— Не ведь это же пропаганда невежества? Это ужас!

Все пожимали плечами.

Потом в лавке комиссионера Малькова все чаще стал встречать и толстого Боляя, и остальных его толстых друзей. Они робко выжидали, пока лавка становилась пустой, и старались не попадаться на глаза знакомым. Мальков выседал одняды Боляя и внезапно ударял его сзади по плечу.

— Ну как, старина, и ты притворяешься слепым? Тебя выбросили, как негодную ветхость?

Боляя пробовал ударить от него, но истощенный голодовками, высохший Макарен был проворнее и настигал, осыпая его безудержными издевательствами.

— Ну где же твои пендель твои господни—капитал? Вросят? Не оценил? Тебя, старое пресмыкающееся, старую проститутку искусства, выбросили на пашель змиравощих злодеев?

Боляя, красный, стоял и упреждал от него. Но нужда снова гнала его к спастельному берегу комиссионщика. Сырой и рыжий, он скоро обрел и оправился, как заезженный дорожник. Но от штанов его, пухнувших много раз перегаженными протертыми колесами, веяло осенью и неустойчивостью судьбы. Роскошью лимузина, лимузином, автомобилем аукцион, проданный в бедствие, Бельковский огнем на Пикадилли был оставлен, и толстая Боляя по вечерам крохотка забирала на своем умывале мандалу, «бешеные тигры» расплывались.

Ледя Мэй заморозил свой замок, и теперь ее чаще встречали в обществе позорливых субъектов в котелках, причастных к организации бонда, названного в его честь, вскоре стало фигурировать в уютной хронике.

Мальков, встретив ее на суде, жалко зазавыл:

— Тень великого Томаса перевернется в гроб, или ведь этого предсказали?

Ледя Мэй показала плечами, закурила папиросу и ответила небрежно:

— Дом великого Томаса назывался «замок надежды». А вы знаете, где сейчас живут Чарльз и Джинкс? Он работает бухгалтером в Праге. Великий Чарльз не меньше великого Томаса. Почему бы их втянуть не иметь одинаковых наклонностей?

Какой-то дальний американский дядюшка пробовал вырвать ледя Мэй, но судьба приключилась его самого. А старая ледя угодила в тюрьму. Ее исследовали, бессионный гость, вечером «бешеных тигров», бесшумный поинтер своего великого предка, застрелился из старого пистолета. На дверях когда-то пыльного сада, как на холмике прожженных, являлся черный сигнал белости:

«Сдается».

Министерство объявило, что больше не будет поездок за границу. Италия? Афины? Рисуется авантюристическая предвзятость! Морское министерство пока еще платит. Но и морское министерство скоро перестало платить. Художника отпривали делегацию к Макарену.

— Мы хотим жить!

— Я сочувствую вам,—сказал он.—Мое сердце разрывалось при виде ваших бедствий. Но что я могу сделать? Другое мое дело, я могу подслать? В казначействе нет ничего, кроме долгов.

— Общество бросило нас на произвола судьбы,—выскричал один из патристических настроенных делегатов.—Искусство на краю гибели!

Премьер развел руками.

— Общество сейчас не до искусства,—сказал он.—Оно само на краю гибели. Извините меня, но я занят.

Обращения к билиарму не дали ничего. Те отказались и отказались. Даже сочувствовать! Потом шопотком пошла слуха о тех, кто не выдержал. Молодой английский писатель застрелил жену и себя. Два американских писа

тели сделали то же. В Германии застрелился крупнейший кинорежиссер. Таинственный датский поэт Нильсен отравился вместе с женой и робками. Ребенка его много дней не видели. Молоко, а он сам давно уже забыл вкус мяса и хлеба. Картина вешали в витринах комиссионков, и они не находили сбыта. В Германии вслащившейся популяристкой пользовалась картина, изображающая мать и дочь перед витриной гастрономического магазина.

— Скажи мне, мама,—говорит дочь,—какой вкус у мяса и масла?

В Вене артисты бышей императорской оперы бросили к кафе и кафе в запыленную подвалы. В Берлине голодом, начинающая художница, изображая к стене голодом, знала про ситуацию.

— Вы помните Марго? Толстобину Марго, которая сконструировала с Казеветовым и с помощью одной толстой черной туши рисовала на стекле целые симфонии красок? Она бросилась в Темзу. Это была самая прекрасная женщина Англия. Ах, сэр!

Макарену хотелось кричать, хотелось жестикулировать выходящему в горло:

— Вы слышите? Искусство, прекрасное искусство брошено в грязь, растоптано сапогами банковского шлокинг Капитал гибнет сам, но он процветает и выживает, вылетая оттуда по яростным камням, перед ним и позан и сбоку Осаки, кружились, смеялись над ним месяцы почета и голодомок, несали побед и разведчиков. Мир кристаллизовался в гигантское безразличие, которое, как страшная межуза-горгона, колючими вырвало мясо отчаявшихся неудачников. Голод свалил его, стойкого в злешенных тушах, груз радиации мешал ему протянуть руку за помощью, и он тушу, окунаясь в людской поток бессердечных улиц, лепился за солимонки обмучивших бедных злодеев.

Облако банкротства опутало спасительные островки комиссионщика. Суворый могольщик—время—закончивал их гловидия траурных развеса.—Сдается. Жме и у толстого Боляя ноги волочились, как вьет, а от олимпийских владык «бешеных тигров» осталась бродающая стая голодных исов, злодеи вышвырнутые словяньские грами в икры бегущих с капиталистического Илоиды. Мальковская сса писать. Испанский ветер коснулся его.

— Вот теперь,—решил он,—я создаю эпопею гибели человечества. Это будет картина—страшная, как пожар Рима...

Но на сухой папире—краски давно были заморожены пинцетом. Голод запылся в сустаны пальцев, и они трясались, опускались, как вилы электрических проводов, оборманных ветром.

— Может быть я умираю?—подумал он.

Тень великого Томаса звала его, тень Генрибо, дом которого именовался «замок надежды». Он сам—субой и жесткий—стал похожим на эту тень.

Он вышел на улицу на своего мрачного логота, провозвещающий голодом взглядом хозяйки. Мимо неслись автобусы, сиренными отравляющими пустыни человеческих слезуток. В беспокоебном блеске их фар он поймал глаза страшного, наноазающего на него отчаяния.

Он бежал из него, угрожающего рыба и грохотом толпу. Улица лепетала фонитом тухлых щих соли. Почему так много отравления? Он равнялся в их месине, размазавая ставками кулаками. Прочь, прочь! Сирены свист набросились на него, крики в ухо, и кто-то большой и невидимый добыл по черепу, как приговор.

Уходи, уходи, уходи...

Но он закричал:

— Нет! Я хочу есть! Слышите? Я хочу есть! Вы сделали меня художником! Вы! Я не хочу быть художником! Я хочу быть человеком, чтобы так же рычать на встречных. И хотеть! Я хочу есть!

Он видел, как зевы машин раскрылись, готовые проглотить его, а глаза их, навалившись, готовый проглотить. Тогда рука его поднялась, готовый обрушиться на первого, кто осмелится потянуть его назад. Она мелькнула, как цепля, в нештнов водонороте прибор. Потом, словно захлебываясь, он выскрикнул, машина начала звать, топтаться, кружить его тело, пока зеленый глаз светофора не открыл путь их сумасшедшей, срывающейся с цепи стае.

А. КУДР. ИНО ЭЛЕКТРОЗАВОДСКИЙ ТРАНСФОРМАТОР

Поля
и небес осенних слюда,
Где только туда и сюда,
Ей содание—ничто,
и поданье звезда! —
Пустыня,
Где только туда и сюда,
Текст
Электрические провода.

И здесь, среди поля,
У самой дороги
Всегда трансформатор
Стоит диалогичный.
Он влупшев Электрозаводом недвигно:
Желаний сердечник
Сработал славно, и
В этом сердечнике
Двигается плавно
Цепями
Электромагнитное пламя.

А сам трансформатор
По контуру—жук:
На нем шипелеславный
Помыл колючку.
Он связан со станцией
Своей потока,
А генератор,
Как на это, далеко.

С севера,
С запада,
С юга,
С востока
его атакуют
Примечники тока.

И трансформатор—
Посредник меж ними—
Сам проводники опутан тугими.

Ток электрический
Послан ползредом
От города в села
За трактором следом.
Ступай по селеньям,
Помышля Месену—
Лампы, как звезды,
В нобе и в хлему!

Нужь змурился
Неба слепая слюда,
Пусть приречет солнце,
Не светит звезда.

Но только бы в поле
Туда и сюда
Текал
Электрические провода,
Но только б
Над полемю дорогой
Жужжал трансформатор
Размерено строго.

Пусть вольготный ливень
До утра стурится,
Пусть криклет робага
И светятся либа:
Здесь радость—

Кровяная страгидна,
Прокся и инструменты,
Дояка и спицы,
И чудо—
(о нем много тысяч строк)
Московского радио говорок!

ПОВЫСИТЬ ИДЕЙНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ КОЛХОЗНИКОВ!

К итогам VI пленума ЦК ВЛКСМ

Воспитание молодежных масс в духе коммунизма, повышение классовой безопасности организации в борьбе за перевеску, за волю партии, против оппортунизма в теории и практике социалистического строительства—всегда были первейшими задачами ленинского комсомола, которым подана была многосторонняя его деятельность.

Задача заключалась в том, чтобы выковать из кадров новячков стойких большевиков, знающих конечные цели нашей борьбы и конкретные пути к их осуществлению, неколебимо убежденных в правоте партии и воли партии и рабочих классов и самоверно отдающих все силы на его выполнение, умеющих разбираться в особенностях провадения классовой борьбы на каждом этапе. Не это должны быть направлены усилия всех комсомольских организаций. К этому призвал организационный VI пленум ЦК ВЛКСМ, наметивший перипетия, обеспечивающие еще больший подъем идейной классовой безопасности комсомольских рядов в соответствии с новыми задачами на данном этапе борьбы за социализм.

Громадные успехи социалистического строительства видны всем и каждому, даже нашим врагам. Мы накалили окончания лесной пятилетки. Всплеснулись очертания второго пятилетнего плана, обрисовывая перед нами конкретный маршрут нашего завтрашнего пути.

Нет нужды доказывать, что всех эти успехи, как в области индустриализации, так и в области перестройки сельского хозяйства на социалистических началах культурной революции, мы добьёмся лишь на основе неустойчиво следовавших генеральных линий партии, лишь путем продолжения неизменных огромных трудностей, возникающих на нашем пути. Такие величайшие победы, которых добьёмся только в дальнейшем. Трудности нашего роста, трудности классовой борьбы еще не сняты с повестки дня, ибо еще не уничтожено сопротивление классового врага, пытающегося истощить нас новыми формами, вытекающих из изменяющейся хозяйственно-политической обстановки, тормозящий ход социалистического наступления.

Каждый комсомолец должен понять и ясно видеть, что большие трудности перед нами стоят и в дальнейшем. Трудности нашего роста, трудности классовой борьбы еще не сняты с повестки дня, ибо еще не уничтожено сопротивление классового врага, пытающегося истощить нас новыми формами, вытекающих из изменяющейся хозяйственно-политической обстановки, тормозящий ход социалистического наступления.

XVI партконференция подчеркивала, что в дальнейшем еще неизбежно обострится классовая борьба в отдельных районах и в отдельных участках социалистической стройки, что вместе с тем подчеркивает необходимость сохранения, а в некоторых случаях и усиления буржуазных влияний на отдельные слои и группы трудящихся.

Для борьбы с классово-враждебным влиянием, для борьбы с внутренними антисоветскими силами и в первую очередь с разгромлением, но еще спортивными кулачеством оно не достаточно средств, их больше чем когда бы то ни было раньше. Задача состоит здесь, по словам т. Молотова, в том, чтобы эти средства держать в должной боевой готовности.

Времени всего здесь различием в практике борьбы, разнгианность, беспечность и классовая близорукость. Времени всего здесь оппортунистическая самопокоенность, разрывающая некоторые наши комсомольские организации и являющаяся одной из разновидностей правого оппортунизма на практике.

Объявить беспощадную войну оппортунистической самопокоенности—такую требовалось устанавливать ленинским ЦК каждой организации, к каждому комсомольцу.

Под знаком борьбы с оппортунистической самопокоенностью, под знаком еще большего волеизъявления классовой безопасности должна развертываться работа комсомола на основном участке классовой борьбы на данном этапе—

на участие организационно-хозяйственного укрепления колхозов.

Деревя бесспорно встала на социалистический путь. Низкие карьеры правых оппортунистов не могут опровергнуть этого неопровержимого факта. Колхозы окончательно утвердились в своем хозяйстве нашей страны, признание всеми трудящимися крестьянством как единственно правильный путь хозяйствования. Речь идет сейчас о мобилизации всех ресурсов, всех преимуществ колхозной формы хозяйствования для реального подъема и укрепления колхозов и социалистического воспитания колхозника.

Было бы неслепым, крайне ошибочным предполагать, что задачи классового перепосвящения колхозников ограничиваются их вступлением в колхоз.

«Ошибочно было бы думать»,—говорит т. Сталин на съезде аграриков-марксистов,—что члены колхозов уже превратились в социалистов. Нет, придется еще много поработать над тем, чтобы перевести крестьянско-колхозника, исправить его индивидуалистическую психологию и сделать из него настоящего труженика социалистического общества («Борьба ленинизма», стр. 684).

«Чуждая духу большевизма слезявкая» идеализация колхозника, влекущая кое-где место движения деревни к социализму подает гладко и сплюснито, без усилий... Эта идеализация колхозника играет на-руку не кому иному, как классовому врагу, ослепленному разгромом качества, делающим основную ставку свою сейчас на подрыв колхоза изнутри. Ошибки, в частности партийных и комсомольских организаций Кубани, проистекали именно вследствие того, что они идеализировали колхоз как законченное социалистическое предприятие, идеализировали колхозника как сформированный социалистический тип человека без буржуазных, капиталистических привычек и традиций, и на этой почве заблели близорукостью к махинациям классового врага, беспечностью по отношению к неудовлетворительной практике хозяйствования в колхозах.

Тов. Молотов говорил на всесоюзном съезде инженеров и техников:

«Мы создали тысячи и тысячи колхозов, но мы еще не добились того, чтобы все эти колхозы были живыми колхозами. А надо помнить, что колхозами, которыми мы не руководим, руководят враждебные нам антисоветские элементы. Нейтральности и здесь не существует».

М. ская делегация на VI пленуме ЦК ВЛКСМ

Чем ближе враг к своей гибели, тем ожесточеннее он сопротивляется, прибегая к наиболее замаскированным вылазкам, действуя исподлобь, через посредников, выискивая новые формы сопротивления, идущие главным образом по линии перерождения колхозов, вымывания социалистического ядра «колхозов», захвата рычагов колхозного хозяйства в свои руки, чтобы похоронить их против нас.

Хлебогаготовы в отдельных областях и районах продолжают кулаком и ослепками классово-враждебных элементов деревни, пролезших кое-где в колхозы, для противопоставления интересов отсталого колхозника интересам пролетарского государства. Особенно резко это проявляется на Северном Кавказе, в Кубани, где кулачество организовало контрреволюционный саботаж сева и хлебогаготовы.

«Именно, в борьбе за хлеб антисоветские силы стараются своими специфическими скрытыми приемами оказать нам наибольшее сопротивление» (Молотов).

А этого как раз и не боялись партийные и комсомольские организации Кубани, во многих случаях вследствие оппортунистической самопокоенности и разнгианности доказывали до забвения кулаки, до инертности по отношению к кулацкому саботажу хлебогаготовов и сева и даже до прямой сдачи классовых позиций.

Останова на Северном Кавказе аверала, что некоторые комсомольцы и даже ячейки КСМ стали на прямой путь предательства интересов рабочего класса.

Что стоит те факты, когда комсомольцы воровали колхозный хлеб, безразлично относились к сырву сева, лодырничали, вредительству в колхозах? Как расценивать это, если не предательство в результате потери классовой деятельности, тот факт, что ячейка КСМ колхоза «Борцы (Кубань) знала о контролевозможной деятельности правления своего колхоза, скрывшего от государства 500 центнеров хлеба, и применительно молчала об этом? Ячейка знала, что у руля колхоза сидят буржуазнейцы (полевод Доевский—членский карательных экспедиций; пред. ревкомиссии Ватанский—сын белого плача) и считала это в порядке вещей.

Потеря классовой бдительности, забавление классовой борьбы, самопокоенность привели к тому, что многие комсомольские ячейки на том же Северном Кавказе оказались засоренными враждебными элементами. В ставке Динской в комсомоле сестра Рибовой—сын председателя Кубанской рады, приспешник кулаков и вредителей. В ставке Новомыстоза-

Ленинградская делегация на пленуме

скою к руководству ячейкой пробрался сын кулака Качанский. Приход его к руководству ознаменовал формальным переименованием ячейки и положением ее кулаками и белогвардейскими сынами.

Уроки событий на Кубани сигнализируют всему комсомолу о необходимости еще большего повышения бдительности деревни своей классовой бдительности, борьбы за оппортунистической самоуспокоенности, еще большего повышения идейной бестребовательности комсомольских рядов.

Перехватив обязанность комсомольской организации в борьбе за колхоз — беспощадно драться, драться против кулака и его агитурья, за выполнение колхозом своих обязательств перед государством (Косарев).

Это должны усвоить себе все комсомольские организации деревни и на этой основе разрабатывать практические организационно-воспитательные мероприятия по хозяйственному укреплению колхозов, по передаче психологии молодых колхозников, по подготовке кадров для социалистической деревни.

Подготовка наших классово-преданных и квалифицированных кадров для сельского хозяйства поставлена сейчас партией как важнейшая и решающая политическая задача.

Нам необходимыми высококвалифицированными стойкие и грамотные политические руководители — организаторы социалистического сельского хозяйства. Если в любой отрасли народного хозяйства решающим, в конечном счете, фактором является качество кадров, то тем в большей мере это относится к сельскому хозяйству, особенно на современном этапе его развития. Проблема кадров стоит сейчас в сельском хозяйстве в качестве самой животрепещущей, актуальной проблемы. (Постышев, из статьи «Известия Октябрь».)

По отношению к комсомолу села это прежде всего и раньше всего означает повышение производительности труда самих комсомольцев-колхозников, освоение ими техники сельского хозяйства, повышение ими своей хозяйственной роли.

Комсомольцы-колхозники должны служить примером всей молодежи, всем колхозникам по своему труду. Тов. Косарев в докладке своему на ленинградском активе об итогах пленума ЦК поставил вопрос так:

«Комсомольцы и лидеры — несомненные поводыри Комсомольцы-лидеры, имеющие мало трудовой, не укрепленные колхоз, должны быть вычеркнуты из рядов организации.»

Пленум ЦК по докладу т. Андреева вынес обстоятельным образом обдуманный вопрос о подготовке и переподготовке деревенских кадров актива. В центре поставлена была задача максимального укрепления деревенской части союза, ибо это во многом обуславливает возможность комсомолу практически стать инициатором борьбы за поднятие производительности сельского хозяйства. Комсомол деревни должен быть укреплен такими кадрами, которые ни при каких условиях не сдали бы

классовых позиций, были бы идейно-политически закалены, разбирались бы в агиткемские сельского хозяйства и сумели бы под руководством партии повести массы колхозной молодежи против классового врага, повести молодых колхозников на борьбу за поднятие колхозного хозяйства.

Практическое разрешение этой задачи должно идти по линии правильной расстановки комсомольских сил в колхозе, позиций городского комсомола деревне, тщательной проверки, подбора и выдвижения кадров на разнообразные участки колхозного строительства (члены правления колхозов, кладовщики, бригадиры, учителя счетоводы и т. д.) и наконец широчайшей массовой-политической работы. Надо сказать, что массово-политическая работа деревенских комсомолов проводится до сего дня крайне неудовлетворительно. Об этом свидетельствует хотя бы заброшенная работа изб-читален, обязанных быть культурными очагами колхозов центрами, где сосредотачивается, принимаются производственные, массово-развлекательные работы, где проводятся так называемые занятия по идейному воспитанию и подготовке кадров, как беседы, кружки, курсы и пр. Однако деревенские организации за последнее время вывелись настолько степени своего упадка в деятельности изб-читален, и это вынуждает одной из причин фактического развала многочисленных читален.

Вопрос о массово-политической работе среди молодежи поставлен был VI пленумом ЦК во всем шире. Массово-воспитательная работа — важнейшее звено работы союза как в городе, так и в деревне.

Надо возбудить каждого молодого рабочего и колхозника четким пониманием наших перспектив, уверенностью в победе, помочь ему осмыслить существование наших трудностей и пути их преодоления.

«В связи со сложностью наших задач у отдельных рабочих, колхозников, комсомольцев и даже коммунистов, главным образом деревенских, возникает немало недоуменных вопросов. Чтобы преодолеть трудности, нужно понимать их суть. Мы, коммунисты и комсомольцы, должны объяснить беспартийным рабочим и колхозникам то, в чем они еще не разобрались.» (Постышев).

На основе правильного разяснения молодой рабочей молодежи о том, что в четкую программу вывернутой его (Иванова, Петрова) деятельности по осуществлению генеральной линии партии — это и составляет существо нашей массовой работы. Нужно воспитать молодого рабочего и колхозника в духе предельно строгой дисциплины, социалистического отношения к труду, производству и быту.

Пленум обратил внимание союза на три основных вопроса, которые должны стать в центре массово-политической работы среди молодежи — это: показ успешности и трудности социалистического строительства, борьба за общественную собственность и воспитание новой дисциплины. Нам необходимо сейчас в комсомоле широко поставить глубо-

кую, серьезную разностороннюю по формам пропаганду успехов социалистического строительства.

Итоги первого пятилетнего плана колхозники. История человечества не имеет примеров, когда бы за такой короткий исторический срок были бы произведены в области страны столь реальные дела, столь гигантские изменения.

Нет ни одного, даже самого заброшенного уголка в Стране советом, которого не коснулись бы могучее действие пятилетия. Ее завершение — величайшее политико-экономическое эпохи, под руководством партии большевиков победою строящих социализм.

Каждый комсомолец знает о Днепрострое, Магнитогорске, Сталинградском тракторном и т. д. в периодов образованных колхозов, но об этих знаниях пока что крайне неважно.

Мы подчас не умеем поставить пропаганду наших успехов наиболее рельефно, выпукло, привлекая из социальных фактов достижений на фронте страны выгоды, мобилизуя молодежь на дальнейшую борьбу, убеждая молодежь показать грандиозные перспективы социалистического строительства.

Мы должны, пропагандируя итоги первой пятилетия, вооружить рабочую, колхозную молодежь твердой уверенностью и неизменной победою нашего дела и следовательно насытить ее большим энтузиазмом повседневную ее работу.

Борьба за неприкосновенность, священность общественной социалистической собственности является одной из главных наших задач. Со всей остротой она стоит перед молодежью, ибо социалистическим отношением к государственной собственности — фондом имущества, колхозным ресурсам, заводским снабжением — приобретает степень превращения молодых кадров — участников нашего строительства, превращает способность комсомольской ячейки.

Надо вести жесточайшую непримиримую войну с расточительным отношением к собственности, ставя часовым социалистической собственности, часовыми сохранения хлеба, денежных фондов, инвентаря, спецадминистрации, продовольствия. Это отнюдь не организационная работа, а работа, имеющая глубокие политико-воспитательное значение, означающая молодых людей нашей эпохи от мелкобуржуазной наживы в социализм.

В тесной связи с этим стоит воспитание у молодежи новой трудовой дисциплины.

Большевистская организованность масс, железная производственная дисциплина, покоящаяся на сознательном пролетарском отношении к производству, — вот условия, обеспечивающие дальнейшие победы социализма. Без этого невозможно наше наступательное движение вперед.

Принять новым пополнением рабочего класса пролетарское отношение к производству и труду, воспитать у них заботливое отношение к социалистическому хозяйству, к общественной собственности, воспитать у их сознании, что от положения производительности труда зависит победа нашего дела и следовательно дальнейший рост материально-благостного благосостояния нашей страны — это является в системе пролетарского нерастования новых рабочих кадров.

Вместе с тем широкая работа по социалистическому воспитанию новых рабочих кадров должна быть неразрывным образом связана с самой остротой борьбы за дисциплину на предприятиях, борьбой с прогульщиками, лентяями, дезорганизованными производителями, с применением к ним экономических средств воздействия.

Пленум обратил особое внимание на расширение работы комсомолом, охватывая своим влиянием барак, общежитие, клуб, школу, а все время с молодежью, не оставляя ее после работы — такой должна быть привычка нашей массовой деятельности. Между тем до сих пор вопрос «куда пойдет молодежь после гудка?» остается вне поля зрения большинства комсомольских ячеек. Сюда нужно бросить энергию, разбудить сознание молодежи и в частности показывая использование досуга, широко развивать культурную самодеятельность.

В борьбе за повышение идейной бестребовательности комсомольских рядов должны быть максимально использованы, приняты все возможные и все ресурсы.

ДЕКЛАРАЦИЯ ПРОГУЛЬЩИКОВ

На широкой завалин левой руки буфетчик Яша ухарски дернуг глубокою алюминиевою миску с теплой водой. От воды идет пар, и миска кажется похожей на шапку, из которой моет в бане. Правой рукой он сжимает мокрую мочалку, похожую на половую тряпку. Яша ходит от одного стола к другому, смачивает со столов крошки и всякие обидки шахтерских кушаний. Яша макает мочалку в миску и одним махом сбрасывает со стола всю грязь и обидки.

— Сторонись, богачи, беднота гуляет! — кричит Яша, размахивая мочалкой. Грязь вместе с потоками воды летит на пол. Яша, не торопясь, идет к следующему столу.

Обеденный перерыв кончается. Громкоговоритель, шина, исходит музыкой и пением рабочего полдня.

— А еще, товарищи, прослушайте... Под самым громкоговорителем за большим столом расположилась шумная компания ребят, веселым разговором и хохотом порой заглушающая громкоговоритель. Из столовой один за другим торопливо уходят рабочие, а ребята спокойно сидят за столом, уставленным десятком пустых стаканов. Они не торопятся пить чай и закусывать. Петяша Шариков, размахивая большим куском черного хлеба, не стесня досказывает про вечеринку у приятеля.

— Ясно, упились мы, как быки на водопой, и ничего не соображали. Время позднее — под утро же, и на улице светлеет начало. Гудки, слышим вроде сквозь сон, гудят, поют. На работу, что ли? Ноги не двигаются. Приятель говорит нам:

«Что вам, ребята, по такой ранн таскаться? Заметит, что вы пьяные, под выговор попадете; испишишь, еще скандалить на улице издумаете, в милицию заберут. Останетесь лучше у меня почитать. Под у меня широкой, все на полу поместиться». Выпили мы еще по стаканчику да и остались у него. Кто где спал, не знаю. Проснулись я — никак не помню, где я. Подошла голову да так и ослел, обо что-то стукнулся, искры посыпались, голова кругом, мутит. Огляделся, оказывается я под столом лежу и об крышку головы трюханул. Выпозл и наружу, отдался, в себя пришел, вижу кругом да полу свои братья — Гришка, Ва-

сильев, Николай Вершков. Вот так история! Поглядели друг на друга — смехом; на работе бы нам встретиться надо, а мы тут вповалку. Хозяин догадался, дал опохмелиться и вроде намекает: «Выкатывайтесь, ребята, пора бы и честь знать». — «Ладно, товарищ, уйдем. Только зачем ты нас, такая зтавка, у себя поначаты ставил? На работу из-за тебя мы не пошлм!» — Он конечно в забинию: «Что хочешь», — говорит, — на работу поплывай, уши от меня аккуратно и обстановку у меня не портили в течение всей ночи.

И начал он нас отчитывать. Точнее у него было в гостях много, а он нас одних отчитывал. Обидно даже стало!

А тут еще жена его подошла с кухни. Так сразу на рубои все перевела, «На сто пять», — кричит, — из-за вас потрапнлись, а удовольствия из полных забаву. Десять, шитров горькой сокори — не жалко, чорт с ней. Мид, — говорит, — и сами пили. А вот селедок жалко — четыре кило маринованных селедок сокори, мы и сами их попробовать не успели. И хлеба не вприворот слонами».

«Каждый», — говорит, — прогул утомляю рабочего обходится стране в две тонны угля. Помните вы это, несознательные и механические граждане?» А мы ему в ответ, как беспособ слон, колыхали декларациями в нос. Показали. Прочитал он, плавно, прогульщики назвал злостными и все такое. «Становитесь, орет, — скорее на работу, не прохладжайтесь... Добересь на работу до васа», — Гршшии, — отвечает ему, — не ругаться и потине, без заклику самокритики».

— Стали?

— Это адело? — стали. Попробовал он, мы и стали. Наши ребята уважительных заведующих уважат, — рассмеялся Шариков.

— Вы все рассказали, товарищ Шариков? — неожиданно раздался незнакомый голос.

Тут только ребята заметили, что за их столом сидел посторонний их компании человек. Сидел он, прикрывший цветом, и оказывается все слышал. Старичок работал в литейном, все его знали хорошо, а вот тут как-то случилось, не заметили его из-за этого цвета и сплеховали.

— Подтверждаете свой расквет, товарищ Шариков? — спросил старичок и протер очки, словно для того, чтобы лучше разглядеть всю компанию.

— Это анекдот, я рассказывал, Василий Антоныч, а не факт.

— Ах, анекдот! А декларация тоже анекдот? Все молчали, оживая, как Шариков будет выкручиваться. Шариков с минуту подумал, отдал глоток чаю, словно в пережарено, и спокойно ответил:

— Весь разговор мой действительно анекдот, слышанный от товарища, а декларация это факт, подали действительно декларацию. И не только я, но и все мои товарищи по причине спешкедаль мутник».

— Все шумно подтверждает, что действительно со спеем плохое, а профсоюз работает.

— Были бы спешкова, прогулом не было бы, — заметил Колька Вершков, друг Шарикова.

Набросился тут все на старика, словно он заведывал спешкедальной и был самым яростным истребителем прогульщииков.

— Подумайте, и денка прогулять нельзя! — Дело наше молодое, попеть и поплескаться хочется. А как с левачкой захорошелись да под утро лодой предель, так низкими пушкани не разбудишь...

Не вытерпели мы, побили ему посуду чайную — вроде печанюю задела — и ушли из этого дома.

Не выспавшись, на работу не попали, на улице сыпет, дождик идет, прямо тоска. На работу поздно — радио, вроде как сейчас, полдень передает. А тут еще мысли в голове: «Завтра придется сочинить — почему на работу не вышли». А почему? Колька — вот он здесь сидит, — он сообразительный, он и говорит: «Давай, ребята, коллективно сочинение сделаем: будто работали все эти осенне-грустные дни без спешкови и все сразу простудились по такой собачьей погоде. А потому, мол, требуем новой спешкедаль и улучшения бытовых условий». Очень нам это предложение понравилось и поручили мы Кольке, как активному, расфетователю написать декларацию в твердом тоне.

— Эй, граждане трубочисты, не пора ли вам со здром на работу! — появился около стола Яша. — Часа, как видите, приближаются к критическому моменту».

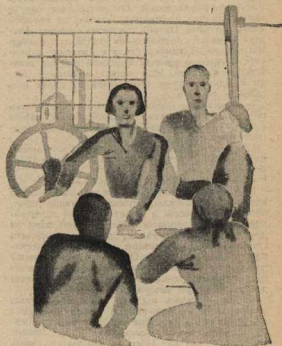
— Да, что рассказывали: пришли на другой день, ругает нас заведующий: «Из-за вас», — говорит, — шата в провале, угли страна, требуться и все такое пшое-дефис по шпату».

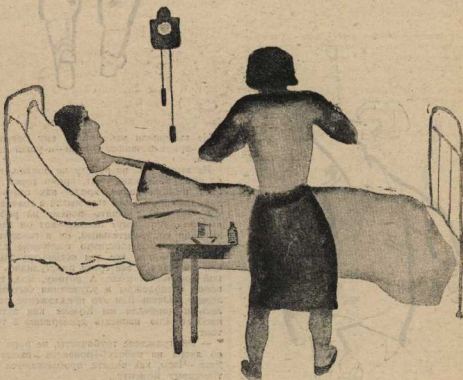
✓ МАМА и СОЦИАЛИЗМ

— С каждым может случиться.
 — Может, может!—вскочил старик.—А почему со мной не случилось? Я за тридцать лет ни одного дня не прогулял.
 Приятеля подыали старика внаех.
 — За длинными рублями, отец, гонимся... Детсика на молочничко собираеш. А у нас детей нет—денег на гулянье хватаеш.
 — А подслушивать, Василь Антоныч,—враждеательно заметил Шариков,—исхорошо, тоже вроде старым режимом подыхаеш. Так-то вот: это шпистоно, простите за выражение, и за это можно тебя через фрямок к политответственности притянуть...
 — Ты, Петя, меня на бас не бери!—спокойно ответил старик.—Страшными словами не пугай. Вончас, теперь держи—уж я тебе помогу, будь спокоен. До приятной встречи. Петя. А вы все,—обернувшись он к остальным,—сидетьскими будете...
 Лягшик вышел из столовой.
 Шариков плонул и поздравил ему кулаком встел.
 — И за что только таких злодеев героями труда провозглашають?
 — А сообщит вель.
 — Факт, сообщит.
 — Вали ты, Петя.
 — Фактов у него нет,—спокойно решил Шариков—на словах ему никто не поверит. Только вы, ребята, не подкачайте.
 — Не беспокойся,—как в могиле.
 Громкоговоритель ревел:
 — А теперь, товарищи, послушайте...
 Артистка пела колыбельную песню:
 Спи, малютка, будь спокоен,
 Башоши-баю.
 Ребята утихли. Саушали песню. Зевали. Мечтали.
 — Чем за прогульщиками гоняться, проработали бы лучше вопрос о вставании современемно и чтобы будили всех в нужный час—никто бы тогда на работу и не опаздывал. Говорит, в Москве специальная бюро обслуживания занесла—заведешь, положишь, на шесть, и тебя в шесть по телефоннику разбудят: вставайте, мол, товарищ Петро, на работу пора. Чего у нас сморит администрация? А?
 ...Тяко сморит месец вель.
 В колхозе трюю...
 — А я чинта, что один механис часы такие хитрые изобрел. Наденешь их на руку, заведешь, поставишь там особый выключ на нужный тебе час, и спи! В положенный час этот выключ—острый, ядрол, будильник—и похнетя в руку, как жало. Тут, брат, вскочишь...
 ...Стану сказывать я сказки,
 Песенку спою.
 — Сам декрет правительственный прогулы допускает,—разъяря Шариков ребятами.—По закону можно три дня в месец прогулять, и никто не может уволить. А за один день тем более никакого администрация права не имеет даже выговора объявить. Подумансь, наугаа!
 — Да плавь ты на него, Петя! Ну что он тебе дался...
 ...Башоши-баю...
 Башоши-баю...
 — Ну, ребята, яаа.
 — Вставай, подымайся, рабочий народ! Потягиваясь, позавывая, приятели поднялись из-за стола и направлялись к выходу. Не успели дойти до дери, как песня закончила колыбельную песню, и незнакомая бас страшным голосом закричал:
 — Прогульщики срывают производсто! Объяви беспощадную войну прогульщикам. Совет народных комиссаров издал декрет о борьбе. Злостных прогульщиков будет увольнять с работы... лишать продовольственных карточек... высылать из заводских квартир...
 Ребята, словно по команде повернувшись к громкоговорителю, прищурившись, слушали, как незнакомец громкогласно разъяря декрет. Дослушать не удалось. На них насочился Яша-буфетчик и закричал:
 — Ну, вы, пошевеливайтесь! Все на работе, а они в буфете второй час прохлаждаются! Дождались, крысы, декрета!.. Теперь вашего брата... к потюю.
 И Яша-буфетчик, подмигнув, показал, как будит прогульщика брать «к потюю».

Любочка копилка из агронома,
 Большого счастья в жизни нет
 На крыльях надежд она. А из дома
 Приходит большой голубой конверт:
 «Приезжай домой. Много дела.
 Твоя мать тяжело заболела».
 Сердце не склика, разбитое не может
 От одного удара беда,
 На нем остаются ни на что не похожие,
 Но очень глубокие следы.
 А тут еще бумажный отрывок —
 Секретаря райкома вивов.
 На повестке дня вивов
 О поездке в колхоз.
 И дальше гласит повестка эта—
 Вопрос второй: проработка декрета.
 Любочка приходит к секретарю райкома
 (Она ему совсем не знакома)
 И говорит, чувства полна:
 — Пришут из деревни, мать больна,
 Хочу побывать дома, возе.
 А в колхоз поеду уж после!
 — А декрет,—секретарь сказал,—
 Проработаете по пути на вокзал?
 Я должен поставить вопрос primo,
 Иначе вивку скатиться вивиз.
 Что же вивкой по-вашему: мама
 Или социализм?
 Двух ответов не может быть.
 Мама,
 ...комчайся одна и охай.
 А Любочке надо будет пласть
 Вместе с райкомом
 и злокой!
 Сердце не склика, разбитое не может
 От одного удара беда,—

На нем остаются не ало похожие
 Осьмь глубокие следы.
 Если вагайнуть на жизнь primo,
 А не сверху вивиз,
 Вопрос нужно ставить: и мама
 И социализм!

СУД ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Врубощики, откатчики, крепильщики решают судьбу уральских. Мало прощит перебои рабочей силой — надо суметь привлечь новые кадры в шахте. Одно из решающих условий здесь — хорошо поставленная культурная работа в вабон, вае, бригаде, с каждым шахтером в отдельности.

Олеж «Суд продолжается» ставит вопрос о работе с кадрами в шахте.

Забудь Скарпенко, бывший энергичный производственный и передовой общественник, бежит из шахты. Он сыплет свою вину, но в него нехватает сил продолжать прерывае. Разбор поступка комсомольца Скарпенко поможет вскрыть недостатки культурно-массовой работы в шахте.

В суде над плохой культурно-массовой работой должны принять участие читатели «Смены».

1. ИЗ ДНЕВНИКА НОМСОМОЛКА СПЯРКЕНКО

7 мая 1932 года. Шахта 12/31.

У меня сегодня был выходной. Подготовившись к занятиям кружка текущей политики. Очень часто попадаешь врасплох. Придя в аудиторию сразу после бала, нахожу просматривающих материал, а в итоге — тема скромная, слушатели остались той же вине недоуздаты. Сегодня и подползал — на все четыре. В 11-е общежитие пришел в четыре с половиной часа. Занятия начинаются в пять. Подчас решила усадить частым беседой с ребятами. В 12-й комнате встретился с Никитой, вид, как его теперь прозвали на шахте, «спящий красавица».

Однажды меня вызвали на валя в ночную смену, ну было много нити делать рубашку в шестой восточной комсомольской лаге. Еще на корню до меня донеслась песня. Я быстро спустился по бремсбугу на шестой нижний этаж. В самом дальнем углу шатра, в тесном кругу ребят стоял незнакомый парень в белой рубашке с красной вышивкой и в темносиних шароварах; на ногах у него были белые лохмотьяные сапожки и лапти. Он был окружен тусклыми огоньками ламп. Ребята кружились и орала. Исайка парнем стоял в кругу рядом с неизвестным человеком и кричал:

Павши, холхак, павши, как на шганской свадьбе!

Это «клевал» нового шахтера Никиту. Он первый раз спустился в шахту и по неопытности парадил в праздничном костюме. Никита исполнил приказания Исайки. Ребята покатывались со смеху. Крещенье кончилось, когда пришел десятник. Я начала приготавливать сукку вина, чтобы выжать рубль. Никиту десятник послал на верхней полке лава бросить в вагончик призывный скрепером уголь. Тут-то суждено было Никите принять участие «бювое крещенье». Он заснул. Исайка привез платно пороханина, я увидев спящего Никиту, разбудил все «го лишь углем. Лебедичку он сказал:

Пущай спящая красавица купится, не трожь — а сам погнай грузежу партию вагонеток.

Скрепер привал спящего Никиту к паре. Крепко вышло бока. Его вывели на-гора. С тех пор Никита слывет на шахте «спящий красавица».

Никита лежал на койке и бречал на бала-лашке.

— Ну, как дивелсь?

— Как видишь, — отвечает Никита.

Мне недавно пришлось его «раскачивать». Парень открыл диву. Ему скучно на шахте. Нетле время проводишь. С работой приходится ходить ночью. До работы коротаешь часик на койке.

Я ему ничего не ответил. Я не мог кривить душой. Разве Никита не прав? Ведь мы с ним в одной шахре. Шахта, столовая, общежитие и чейка — вот все наше «культурное разделение», весь наш отдых. Душно становится на шахте.

9 мая 1932 года.

Кранивный вызвал в комитет. Я ему докладывала о работе нашего кружка текущей политики. Он выслушав, сделала несколько замечаний и дал новую методическую рекомендацию из горкома. Когда кончилась «деловая часть» нашего разговора, я попыталась заговорить с Кранивным о бездельности Теория культуры, о том, что всегда приходится время после работы. Кранивный спешно собирал бумаги, торопился уходить.

— Ты бы лучше, — сказала Кранивный, — подумай над тем, как молодежь проводит время на работе, в лаге, на механизмах. Там решается уголь. После работы каждый знает, что ему делать. Нас интересует уголь, уголь, уголь и уголь. А дворец — что ж? Бездействует профсоюз, его это дело!

Вот стукнула их «комсомолка», а они хоть бы хны. Придется ставить вопрос о наших профсоюзниках на шахтарткоме.

Я все-таки не понимаю: почему такое пренебрежение к личному каждому молодого горняка? Ведь коммунистическая этика вовсе не отрицает личного. Ведь мы молодцы, много нам еще предстоит вперед. Неужели нам не дано культуру вселиться, всесторонне развиваться? Разве музыка Шопена, Бетховена вместо пивной «сербиночки», хорошая постановка вместо «факиров» и милипупов — разве все это не является бы достойной наградой каждому молодому горняку за его тяжелый и доблестный труд? Почему тогда, разделение, культурное развитие 800 молодых жизней нашей шахты вынесены за скобки деятельности комсомола?

12 мая 1932 года. Шахта 12/31. Час ночи.

Я ощущаю острую необходимость поговорить. Приво, воткнуть. Но не с кем. А не говорить я не могу. Я принимаю сегодня окончательное решение. Прав ли я, когда решю?

Сегодня вечером состоялся пленум горкома. Все ребята уехали в город. Я задержалась на работе, комната аруб. Вышел из шахты в шесть вечера. Ребят уже никого не было. Я умылся, пообедал и пошел в Дворец культуры. Долго колесил по лестницам и этажам. Кругом тишина, безлюдие. Со всех дверей мрачно смотрят высшие замки. Юнесския, физкультзена, комната уларника, трамизгазета, — нигде никаких признаков жизни. Оли вывески. Запис в библиотеку-читальню. Под 1000-свенной лестрой сидел один человек и читал газету. Он и

библиотекариша — два обитателя просторной светлой читальни. Я взял «герой нашего времени» Лермонтова и ушел в комнату. Не помню, сколько прошло времени. Начало темнеть. Я лег на спину, положил книгу под голову и начал вглядываться в чистое белослабное небо. Меня заставил вздрогнуть внезапный лай кой рея. Я оглянулся. На полне, за тусклым кустарником, который прикрывал меня, сидел костер. Вокруг него прыгали, как динке козы, двести и парня. Как полагается, во главе — Исайка-конюгон. Он не стоит на месте, шатается — он пили. Исайка тишет кула-то Дузу — официанту. Она упирается и кохочет.

— Грей! — командует Исайка.

... Самогон варить —

Надо не доваривать,

Комсомолку любить —

Надо уговаривать!..

Я не мог больше слушать, ушел из роня. Не помню, как я очутился на второй колонии. Знаю только, что в дом забегала потому, что кругом было темно, а из открытых окон этого дома струились яркие лучи электрических ламп и доносились знакомые голоса. Я открыл дверь. На табурете стоял Рома, статистик из рудобетра. Он дергал в руках гитару с красным бинтом. Он зявевал:

Наш уагонеток а стал уларным —

Золотисто золотой!

Не сладим мы наших темпов —

Не скажи, брат, голову!

Все хором подхватывали припев:

В саду, говорит,

В бору, говорит,

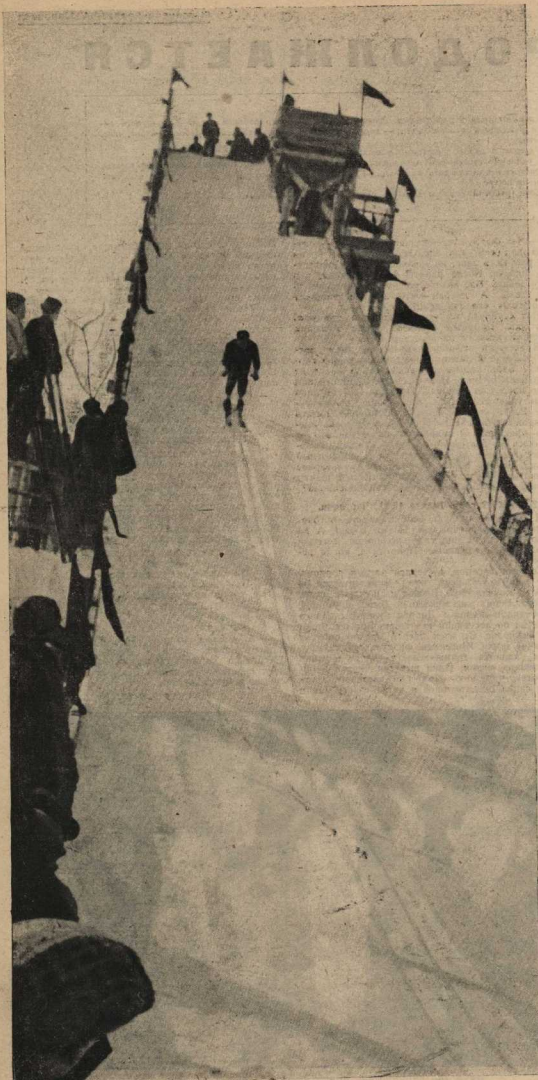
Роса, говорит,

— А Сенька, какими ветрами занесло? — приспеиваювя меня. Я стоял неподвижно. Несколько десятков знакомых ребят и девушек сидели за длинным столом, украшенным вином и бутербродами.

(Продолжение см. на стр. 14)

Весь зал напряженно прислушивался к показаниям свидетелей

Чтоб пою на лыжах, вставши
В сплошной черед,
От молодых и до старших
Неслась вперед!

И. Асеев

Евангельская душа интервенционистов мурманского фронта — поревожский полковник Антис писал: «Большевики, стоявшие против нас, никогда не чувствовали себя в безопасности, пока земля была покрыта снегом. С другой стороны, мы ни разу не были застигнуты врасплох, ибо у большевиков не было лыж».

И все-таки навостривать лыжи пришлось господам интервентам, а «ангельские» советы о зимнем оснащении бойца пригодились и нам, грешникам. Большевики, когда они полукругом поставили ноги на землю и огляделись кругом, в числе других дел занялись и лыжами.

Стыдно трудно зупрелить в извешие уважительность. Однако не так вредно напомнить, что значительную часть года не меньше 24 тыс. кв. км. нашей страны укутано снеговым одеялом. Одежда здесь — не литературный образ. Известно, что зима погружала в сезонную спичку целые районы Кавказа, Таджикистана, Урала, в которые можно было проникать лишь после весеннего таяния снегов.

Не меньше 100 млн. населения живет в районах снегового покрова. Известный знаток лыжного дела т. Тарасов-Касимский произвел поучительный подсчет. Взяв тот минимум переходов, который делают рабочие, идущие на фабрики, расположенные вне городской черты, ребятишки, шагающие в сельскую школу, дессорбы, направляющиеся на место вырубki, автор установил, что за зиму мы сэкономим не меньше 300 млн. часов, если лыжи станут массовым средством передвижения. Нечего доказывать, что отныне в борьбе со снегом миллионы часов — это новые массы леса, ископаемых и промышленной продукции.

В царской России, вядой, рыхлой и леполовизной, лыжами, да и то очень несерьезного образа, пользовались охотники и ничтожная горстка спортсменов. Только советская система всестороннего физического развития дала толчок и всерьезно лыжи в массы. Лыжные пробегки Архангельск — Москва, эстафета Хабаровск — Москва, героическое восхождение лыжников-горняков и Славяно, десятки звездных пробегов и эстафеты — все это страшица, вписанные советскими лыжниками в историю советской физкультуры.

Физкультурники, пересекавшие зимние просторы величайшей страны, показывали населению образцы применения лыж.

Туристы, прошедшие на лыжах непроходимые раньше перевалы, павнувшись в Свинетии на партио-лыжи. Она мирно хранилась на местной почте и значилась «партийной доской неизвестного назначения». Сваны, как и ряд других национальностей горных районов, до последнего времени не были знакомы с употреблением «доски». А эти доски могут связать изолированные зимой районы и стать силой дорогкой в месяцы зимнего бездорожья».

Этой зимой по Советскому союзу должно быть обучено в пределах

Фото Коасинской

норм «Готов к труду и обороне» 3 млн. лыжников. Для сельского учителя и избача, активисты-комсомольца, писменности и культорганизагора лыжи становятся вторыми подошвами.

Нельзя конечно ограничивать лыжный спорт небольшими прогулками по проторенным дорожкам (Воробьевка, Соколынини, Парголово). Здесь много физкультурники, изо дня в день шлифующие одну и ту же лыжню, отнимают у лыж самое их существо — преодоление пространства. Немалая доля выны ложится здесь и на лыжи бэзв. Они тысячами западают легкие беговые лыжи и пьесмы, а горные телемарки, полуторные «мургомая» остаются в забвении. Равнинная лыжня-скоростини все-таки специалист, «флаосу лолобный, ибо полнота его односторонняя. Он хорошо, даже блестяще поживает километры на чистой, как стельничко, дорожке но не знает, как развести в лесу костер, и окажется беспомощным при ориентировке по карте. «Иде тебсья, товарищ, маршируй лыжню, не делай лыжи дорожкой для зимних пикников, пролагай новые пути по ховам, озерам, несвоенным районам. Помни, что лыжи пригодятся при встрече с «ангелами».

А если твой товарищ жалуется на нервы, в неадровье, то именно ему в первую очередь дайшь в рывки палки и ставь его на лыжи. Никакие порошки и кабинеты невропатологов не подтянут его нервы и не проветрит резервуары легких так, как это делают лыжи.

За равнинным бегом и горнолыжным туризмом стоит еще одна крутая и серьезная ступень — прыжки на лыжах. Лыжные прыжки по склону, влетает на трамплин и, оторвавшись от него, совершает парящий полет на десятки метров. Лучшие мировые прыгуны совершают прыжки на 60—70 метров. Но этот вид спорта требует большой подготовки и предельного владения своим телом.

К сожалению наша физкультурная печать слабо и с большим опозданием ведет освещение вопросов техники зимнего спорта. «Вы меня не агитируйте, — скажет им любой парнишка, — я тоже за лыжи. И по этому объясните мне: как выбрать себе лыжи? Почему финны ходят лучше наших лыжников? Как ночевать на снегу?» А в журналах он найдет десятки статей о том, как физкультурник занимается пропагандой зайва или лыбесом, но о том, как овладеть техникой спорта, физкультурная пресса писала слишком мало.

«Слеськая кавалерия» — армия лыжников у нас растет, но поглядите на любую массовую вылазку: добрая половина не владеет хорошо скользящим и идет на палках, как будто это костыли; мало кто знает технику поворотов, и поэтому бег по пересеченной местности ограничен катанием с наиболее мирных горок. А нам нужен не человек, шагающий на лыжах, как на досках, но волевой тренированный лыжник, владеющий винтовкой, передвигающийся по любой местности и не теряющийся ни перед какими препятствиями. Поэтому задача зимы — учеба миллионов, но непременно учеба высокого качества.

Евр.

Я вспоминаю слова Крапивного: «После работы каждый знает, что ему делать»...

Оцененные охлитоли меня. Вдур в раскрытое окно влетел камень. Заверонил бутылка, и красное пятно расплылось на белой бумаге, которой накрыт был стол. У окна показался Исайка с финкой в руке. Я выбежал из комнаты.

Тогда я решил твердо: не брнущся в объятия меркаго, пошлого. Не пристану к пыльной компании Исайки-кологана. Меня тошнит от мешчанкой вечерушки Ромы-статистика. Но ведь я живой человек. Я хочу веселиться, культурно отдыхать, слушать музыку. Ведь нашей партии, революции нужны культурные, развитые, веселые люди. Да, я решил. Я уезжаю в Киев. Это не бегство. Меня не страшат тяжелый труд, шахтные подземелья. Я не дезертир. Оставляю записку ребятам? Не надо. Я приеду в Киев, а свою старую янечку, я расскажу все—и меня поймут и не осудят.

2. СУД

На сиену вышел парень в кигуришке и сказал:

— Присудите суд, секретарь шахткома комсомола Голенко (читает): Обязательное заключение по делу комсомольца Семена Скляренко, бывшего рабочего шахты 1201, машиниста врубойной, и Исайи Черняева—рабочего той же шахты, беспартийного, кологана.

12 мая сего года во время отъезда всего комсомольского руководства шахты на пленум городского комитета комсомола на шахте чуждыми элементами была организована в роще пичная вечеринка с хулиганством, во главе которой стоял колонег Исай Черняев. В ту же самую ночь в квартире конторщика туростроителя Ромы Михайлова состоялась мешчанкая вечеринка, на которой распевались идеологически невыдержанные песни.

Поздно ночью Исай Черняев со своей компанией, пьяный, возвращался из рощи и, проходя мимо дома Михайлова, начал дебоширить, кидать камни в окна и нисет в пьяном виде легкое ранение товарищу Михайлову. Комсомольско-активный Семен Скляренко, будучи свидетелем всей этой истории, не смог проявить большевистского упорства и, как малодушный мелкобуржуазный интеллигент, в ту же ночь удрал из шахты в Киев.

Предвзятительное следствие пришло Семена Скляренко и Исай Черняева виновными и постановило предать их показательному суду.

К делу приложили дневник Скляренко.

Товарищ секретарь, кто из подсудимых явился?

Секретарь: Никто. Скляренко не явился по общественным причинам, а Черняев прислал записку (читает):

«В шахтком комсомолом.

Тов. Голенко.

Вы мне сообщаете, что мне яичне надо прийти на показательный суд, потому как ме-

ня обвиняют в хулиганстве. Так и сегодня не могу прийти ввиду того, что техник Бабков меня срочно вызвал в шахту на работу, потому что из-за засыпания путей сорвалась вывозка первой смены. Я хотя и выходящий сегодня, но сейчас бегу в шахту. Я очень прошу переуступить суд на завтра. К нему прилагаю справку от техника Бабкова, что это все верно.

Исай Черняев».

Секретарь: Имеется справка от техника Бабкова.

Голенко: Присутствуем к допросу свидетелей. Свидетель Латоцкий, из какой вы шахты, кем вы работаете?

Свидетель Латоцкий: Я из шахты «Юный коммунар» — Рыкова. Выдвинулся, раньше работал забойщиком. Член культурно-спортивного Дворца культуры.

Голенко: Что вы как свидетель можете сообщить суду?

Латоцкий: Шахта «Юный коммунар» — крупнейшая в Донбассе. Комсомол и молодежь стали у нас решающей силой на производстве. 65 процентов всех трудящихся нашей шахты — молодежь. Под землей молодежь производит проценты. Но комитет комсомола, замкнувшись в скорлупу узкохозяйственных вопросов, совершенно забыл о большевистском воспитании горняцкой молодежи.

Культурно-массовая работа в общежитии, во Дворце культуры комсомол не проводит. Дворец всю свою работу ограничивает несколькими кружками. Одним из таких кружков является драматическая студия, которая всю свою работу свеза к репетициям и пугачиванию ролей.

При дворец нет платного абонентской. Назначая зановосекретаря парня, который работает на производстве, он же секретарь ценовой янечки, он же пропагандист и несет на своих плечах еще целый ряд различных натурок. Рабочая молодежь шахты «Юнком» совершенно справедливо жалуется на плохое культурно-бытовое обслуживание.

Голенко: Свидетель Дудукалов!

Дудукалов: Шесть месяцев, как меня выдвинули руководителем драмкружка Шербиновского Дворца культуры. До этого я работал забойщиком. Я теперь агитатор, моя задача—проводить работу среди молодежи, помогать комсомолу в деле воспитания молодых горняков.

Кружок наш взял шефство над двумя общежитиями рабочих, зимой мы часто организовывали вылазки в эти общежития, ставили маленькие спектакли, организовывали игры и от жилищной в общежитиях молодежи имели хорошие отзывы. Но вот уже два месяца, как вылазки в общежития мы прекратили. Нет материалов, по которым можно строить работу, в администрации Дворца культуры нами не интересуется и не помогает нам помочь, хотя бы покупкой нужной литературы.

Больше того, у некоторых работников шахты создается мнение, что всякие такие вылазки в общежития вообще пустая вещь. К примеру:

«Являясь в сектор шахткома товарищ Толкачев говорит, что устраивать вечера молодежи в общежитиях создают только проблемы на производстве, в достояние душе их не организовать. Товарищ Толкачев не хочет понять, что именно пьянство в общежитиях, вызванное бездельем и скукой, порождает проблемы, а не вечера молодежи, которые борются с проблемами».

Голенко: Свидетельские показания закончились. Присутствуем к приему. Слово имеет культуртор — общественный обвинитель, товарищ Крапивный.

Крапивный: Товарищ судья! Пятнадцать лет, тома назид пролетариат нашей страны победоносно совершила Октябрьскую революцию.

Свидетель Латоцкий говорил спокойно

С тех пор много воды утекло. Гражданская война, военный коммунизм, восстановительный период и наконец период социалистического наступления по всему фронту. Мы победоносно строим бесклассовое социалистическое общество. Мы уже в этом году построим фундамент социалистической экономики.

Товарищ судья! Что же мы видим? На личном историческом этапе у нас раздается жалкий крик отдельных индивидуумов, мелкобуржуазных интеллигент, в быт сказавших инстинктом, интуицией благоустраивать своей личной жизни.

Кто такой Скляренко? Как распечатать его подлое дезертирство?

Поступок Скляренко нельзя никак расценивать как явное проявление правого уклона на практике—он испугался трудности и убежал. Ему бурный рост социализма кажется скукой.

Надо быть самым отъявленным оппортунистом, чтобы не видеть бурного роста и удовлетворительного состояния культуры и быта на нашей шахте. Чего хочет Скляренка и им подобный? Они требуют, чтобы мы, земский комсомол, нынчались с каждым и отдельно, давали бы им в руки, как маленьким детям, игрушки, веселили бы их и занимались бездельюшканьем. Нет, Скляренко, ваша ставка бита. Вы делаете жалкую попытку тянуть наш союз назад, к пройденному этапу. Мы ярмо заявляем: перед нами в упор поставлен вопрос: или заниматься всякими тупицанскими бита подобными делами или драться за уголь. И мы избираем путь борьбы за уголь.

В зал врывается Исайя Черняев, в шахтерке, грязный, в аккумуляторах на поясе. Черняев кричит:

— Голенко, дай сказать!

Голенко: Черняев, скайте. Вам будет дан последнее слово.

Крапивный (продолжает): В урках обучения, в достояние знания нашего гиганта—Дворца культуры—идет полная гроздь новая пролетарская культура, куеста и побед-

— Момент я и есть настоящий хулиган,—сказал Черняев

— Нет, Скляренко, ваша ставка бита,— заключил обвинитель

даст новый быт. Скляренко прогнал до конца, он скучает по мелкобуржуазной музыке, ему душно на шахте. Гнать надо таких из нашей семьи.

Что касается Черныша, то надо прямо сказать: старые рабочие нашей шахты говорят, что за восемь лет своей работы на шахте Черныш всегда был занятый хулиган. Надо с ним покончить и выгнать из шахты.

Голенко: Слово имеет общественный защитник т. Матвеев.

Матвеев: Я ввязал добровольно выступать с защитой не для того, чтобы оправдать поступок Скляренко и действия Черныша. В оценке рассуждений Скляренко, которые приведены в его дневнике, я резко расхожусь с мнением Крашениного.

Этот суд далеко выходит из рамок одной шахты и обвинительного акта. Предлагаю суд продолжить...

Голенко: Гражданин Черныш, вы хотели что-то сказать?

Черныш: Вот тут Крашениный говорил, что меня нужно выгнать из шахты, что я, как паршивая овца, все стадо порчу — разлагаю молодежь. Может он и правду говорит. Может я и есть истинный хулиган. А вот, товарищ Крашениный, может я и шахту люблю больше, чем свою жизнь? Потому, как в шахте я вырос и она меня вскормила, вспоила. Да разве я хуже других работаю? Нате вот, посмотрите расчетную книжку: в апреле выисл 135 процентов задания, в мае—160 процентов, мой «берзон» самый исправный жеребец в шахте.

Был случай, что из змелного озераща пописал ножичком конторщика Ромку. Может и в самом деле тут виноват. Ну, пусть виноват, да Ромка-то остался жив?

Или вот за выгнанскую свадьбу над Никиткою меня ругают. Ну, поворовали малясть, что ж тут плохого? А за спящую красавицу—нехай, полдед, не спит на производстве.

...В сад пойти, так там ничего нет, да ты и походи до вечера эспертай. Возьмешь Ваньку Скибу—гармониста,—и в обинку с десятинами походи в посадку. В лесу выьем, закуси, покужишь вальса с девицами, выстукаем чечуру—глядяшь, и вечер прошел.

Линквидировать промня я всегда первай готю, разве был такой случай, чтобы я из-за пывки не вышел на работу или сидел в последней вагончик на партию? Я с «берзона» всегда даю партию с ветерком,—а теперь хотят меня прогнать из шахты.

Голенко: Гражданин Черныш, довольно—суду все понятно.

Секретарь: Разрешите огласить письмо, присланное Скляренко из Киева (читает): «Друзья!

Сегодня я прочел в украинской комсомольской газете, что на-днях предостит на шахте 1231 значоний показательный суд по поводу моего дезертирства.

Последние дни особенно глубоко продумал свой поступок.

Поступил ли я действительно как большевик, как это мне казалось тогда? Я говорил здесь в Киеве со многими и друзьями, все они осуждали мой поступок, и я пришел к твердому выводу, что я вступил действительно не как большевик и объективно стал дезертиром. Я целиком и полностью признаю свою вину. Но я прошу одно: не судите меня заочно. Я хочу и готов предстать перед судом и, возвращаясь обратно на шахту.

Семен Скляренко.

Голенко: Объявляется перерыв. Суд уходит на совещание.

Время близилось к полночи, когда на сцене вновь появился Голенко с ассалетями и начал читать решение суда.

Голенко: Рассмотрев материалы, изложенные в деле, речь товарища Крашениного, заявление и письмо, представленные суду т. Матвеевым, а также выслушав того, что поступил письма из Харькова от культпрола ЦК ЖКСМУ, от культпрола Сталинского горкома т. Изювка, культпрола Горловского горкома т. Азбуговена, комитета комсомола шахты 4/21 Перовки, 30-й Рутченковки, шахты «Ильич» (Кадьяка) и других с просьбой о предостережении им слова, суд определяет приговор пока не выносить...

Суд продолжается.

ГОЛЛАНДИЯ

Над гаванью.
Над крыльями
Неутомимых мельниц —
Небо Нидерландии в кружевной красе.
Голландия, открытая радостным глазам.
Размахнутся молоты,
Бухнут по гвоздям.

Должны быть вбиты гвозди все!
Отныне проглажен, просторан,
Сверкает господский уют.
Но синится высоким кварталом,
Как тени панелей ют:
«Кровь убывает по капле,
Как молоко матерей.
Мы у витрин на спектакле,
В бегах клубных фонарей...»
Над перьями.
Над тюрмами.
Плавут в холодной тине
Облака Голландии и прибрежной по-

досе.
Голландия, открытая выцветшим гла-

завь.
Размахнутся молоты,
Бухнут по гвоздям.
Должны быть вбиты гвозди все!

Отравленный ветер стучит
В ворота заволов пустых,
Он ветт голландой волчицей
В дверях восковой нишеты.
Вы слышите нас!
Мы с вами!
Мы выступили в грозный час!
Мы стоим на вас с уюваньем
Миллионами зорких глаз.

Над тюрмами,
Над сейсами,
Висит в холодной тине
Небо Нидерландии в прибрежной по-

досе.
Голландия, открытая тумам и ветрам.
Размахнутся молоты,
Бухнут по гвоздям!
Должны быть вбиты гвозди все!

Перевод с голландского

НИКОЛАЯ БЕРЕНДГОФА

Голенко потянулся за справкой

РОКОВОЙ ЗВЕРЬ

Сколько раз обернется колесо вагона от Москвы до Владивостока? Диаметр колеса приблизительно известен, и до сорок второй параллели от Москвы девять тысяч километров. Вот задача на сон грядущий, чтобы, считая до утомления, отсчитываясь от наплывающих мыслей и, не докончив трудного счета, уснуть. Сколь-

Настороженная плашка.

ко раз трудный счет обернется в самом конце, на агонические охватывала сон, и потом все опять шло сначала. Так вертится, вертится в голове трудный счет, лежишь, прислушиваясь, и со своего колеса в голове переносишь сочувствие на вагоновожатого: что вот как трудно ему

доехать и сколько раз надо ему обернуться, сколько раз вздрогнуть на неровностях снежной рельсы. А то вот вдруг, было раз, все стихло—вероятно поезд остановился где-нибудь на дровяной станции. Слышится очень знакомый и мне почему-то всегда приятный звук. Это дорожный мастер проходит и палочкой постукивает по колесам, спрашивая их о здоровье: «Живы ли, голубчики, здоровы ли?» «О-ох—слабенько стучат колеса. И их опять пускуют, и опять вопрос в голову: сколько раз обернуться колесам? Еще бы только чуть-чуть, и заснул бы непременно,—вдруг неожиданно все разбулькает вопрос: «Сколько раз обернулся колесу, в сколько лет прошёл пока обернулся, в какой-то восточной человека, жестокий, коварный, в бою смелый, как тигр, не дошел до берега Тихого океана?»

Этот мой родной народ. Я знаю шарей по книгам, но народ этот знаю по крови. По книгам я знаю, что дело шарей было в расширении границ русской земли, но по крови я знаю, что мои предки-казаки двигались вперед главным образом за собольями: они покорили обширные племена и облагали их данью из соболов. Сибирская тайга—единственная в мире родина соболя, этого пушного золота. Собольные пухляк, собольные брови, женщина в собольем или женщина в домоте: так все собольем этикетты можно заменить золотыми, и только собольные зубы нельзя себе представлять с золотыми коронками. Так двигался мой родной народ за собольями; между тем рушилась по пути его маленькая царства и составлялась огромная царская земля. Нельзя отговаривать от раздвигания тем, что с достижением предела—берега Тихого океана—промысел соболя мало-помалу начинает падать, деградация идет быстрым темпом, а вместе с тем деградирует и расширяется империя великой империи. Кончилась империя, и тогда силы всех ее народов бросятся не на расширение, как раньше, а на строительство, и вот тут-то именно во время этой великой грядины, а не тогда, в эпоху расширения, был открыт закон размножения соболя в белом, а на место диарии-промышленника в деле добычи соболя становится ущелье-бюрок.

На останке все бросятся с кружками и чайниками, чтобы выпить себе лежкого роды в

Ангаре¹ и попробовать, верно ли говорят, что вода в Ангаре самая прозрачная и самая холодная. Все провалили, восхитились и говорили, что правда, а некоторые бросали в реку монеты и долго сидели за ними в воде, почти такой же прозрачной, как воздух.

А какие берега! Вот лежит камынная плита, на ней стоит—глаз не веришь!—на голом камне стоит и как-то держится на черном безымянном березке. Над этой плитой лежит другая плита, и на ней—скала или сосна, и так выше и выше—голову заложимь,—все плита на плите, все безца и ель, а когда шипа упадет с головами, то на самом верху увидишь: стоит замечательный ветродульный кесарь. Раз вылезет—и навсегда останется в пакляти его капризное сложение.

Тут, недалеко, возле Байкала, лежит самое дорогое, самые лучшие черные баргузинские соболя. Недало партия охотников за собольями

соболя...

должна была перевалить занесенные снегом хребет. Но снежные заносы так изменили картину горного рельефа, что охотники за собольями потеряли направление к единственному беззаснеженному месту перевала. Так часто бывает зимой, что ветер, постоянно дующий в одну сторону к какой-нибудь наклонной, восточной горе, придувает целую такую же, только ложную, гору снегов, и человек, идущий по снегу, чувствует никакого сопротивления. Если с твердого—кто-нибудь идет на ложную гору, то человек этот летит в бездну, скрытую снегами, и в таких случаях охотники на своем языке говорят: и а л под надым (сказать без надо, пад под надым). Так вот целая партия охотников на соболях вала гуськом на лыжах, как полагается,—чередуясь в снеге первого лыжника, пробивающего с большим трудом путь для других. В это им была снежная буря, как это почти постоянно бывает на перевалах, и каждый слышал шумящий лыжник не видел переднего. Возможно и так было, что идущий вперед лыжник, достигнув перевала, исчезал, и следующий за ним думал, что исчезает он просто оттого, что перемалил на ту сторону. На самом деле каждый летел «под надым», в снежную бездну. И так вся партия собольников ушла «под надым». Вслед за ними к этому же самому месту на другой день подошла экспедиция ученых, и когда на их глазах бегущий вперед их крупный зверь пад «под надым», вылезло голозерие, стали всматриваться по голому намузелу, но не успели пролести под снег открыли дырку одного погибшего собольника.

Сколько усилий, сколько жизни, сколько денег! Возмесь забоем становится от этих тяжелых рассказов о бывшей еще так недавно охоте на самых ловцов соболей—на фазанов (тайцев, обмысленно одетых в синие) и на белых лесовых крошечных безымянных млекопитающих, но зато как светит сладчайший слух удачи, и закрывает собой все напрасные надежды! Вот на снегу след нишитоного зверя—горностая. Цена его в сравнении с соболем мизерная. Промышленник шел осматривать собольные ловушки и угадал след горностая. Вдуг

..Плашка захлопнулась

¹ Ангара вытекает из Байкала, впадает в Енисей. Г. Бор, Баргузин.

Соболь

откуда-то взялся след соболя и зашелся рядом с горнистом. Соболь конечно задумал рыть горниста. След горниста привел к заснеженному снегу с ледяному сланцу. Который сланец — это щель из карбонового кедра, и такая щель, что по ней можно ходить человеку. Горниста, почуяв за собой погоню — соболь, быстро прилепал себе в снегу дырочку, нырнул и пошел под снегом в сланце темными неизвестными ходами. Соболь ждал наверху. Выскочил горниста из другой дырочки. Соболь прыгнул ему на шею. И только, только бы схватить, ко горниста снова нырнул в знакомую ему, заранее давно заготовленную дырочку.

.. Змейка

ку. И опять приходится долго ждать. Но зверь всегда терпелив на жалые. Горниста опять выскочил, и собою удалось: он в этот раз выгнал его с площадки сланца на суходол. Теперь, рассматривая следы, вдруг заметил промышленник горниста по тропе прямо пошел на его лозушку, и соболь тоже за ним. Только бы гарь миновали. Прошел! Направо бурелом и завал. Только бы горниста не шел в завал. Нет! Теперь остается россель: следы горниста и соболя ушли в камешную рощицу. Из этой рощицы в другую через невольную повзнушку величюны в камушку и лет определял собольный шаг в другую рощицу; на этом ладу на собольной тропе и стоит очень искусно врезанная в снег канкан. Следа и путь он в рощицы дотянул горниста и сел его, ведь обратного-то следа нет, значит сый соболь лезом непременно пошел в другую рощицу. Если же он не сел и потянул тушку горниста, то опять так непременно в тушю горниста должен пройти над канканом. А вот и место канкана, вот издали видно — снег взрыт! Конечно! Снабствый охотник никак-

1 Голыши — голые вершины гор.
2 Змейка — промывальная лубочка.

нется к соболю, а в канкан пошел горниста, след же соболя дальше дуром лезит на прыжках от странного места. Дальше охотника можно принять за безумного. Он вынимает горниста из канкана, пыжком ругает, понимает быть его годовой поклажу. Потом он идет и бьет горниста по дереву, по каждому дереву треплет и ругается все больше и больше. Совсем близко отсюда стоит у него лозушка, и в ней привалила вовсе необыкновенно-жесткая, жареная на меду со всеми изгоровами. Надо бы идти туда посмотреть, но он устал духом, треплет горниста, выкинул его с тропы, и затрясет к змейке. Он не знает, что соболь, посаженный горниста в канкан, сам уже попробовал его жареной змей-и теперь из-под пальшик выдвигается его змейка. И сие не знает он самого соболя, его самого стукнет в затылок небольшая пушка охотника за фразанами и белыми лебедями.

Раз было, один собольный охотник отправился в баргузинские голыши, где он своими кулеками каждый год ловил от двух до пяти драгоценных черных баргузинских соболей. Случилось теперь с ним несчастье и непонятно, как расставил он свои лозушки на верных следах, и не только ничего не попалось, но даже как будто сам соболь пропал на следу: будто провалился сквозь землю. Бедоре и с другим соболями вышло то же самое, и с третьими: соболя исчезали, неизвестно куда. Каждый

След...

раз между прочим, проходя своей тропой от зюмья в голыши, волеи-неволеи собольный охотник приходило обозреть внимание на одно разбитое громом дерево: молния снеся и отобрала верхнюю половину огромного кедра, остался обожженный пустой ствол, вроде башни с четырьмя неправильными зубцами. Неизвестно, сколько лет стояла на солнке эта черная, далеко заметная башня. Она обросла мохом, позеленела, и громадный сибирский филин устроился под жить. Почти всегда было, когда проходил промышленник внимание на одно разбитое громом дерево, и рука зачесалась не только на филина, но и на ворона. А кто знает? быть может бессознательно, где-то в глубине себя, как это бывает даже во сне, охотник вспоминал вение соболей и явление филина привел в привычную связь и пусть даже суверено представлял себе филина виновником своих неудач, смутно предполагая что-то такое следя вивотку, выстрелы — и филин сагалась в глубину своей башни. Конечно захотелось и взглянуть на такую огромную интересную птицу. Иринименить залез на дерево и червонкой дотянул филина. Ну вот, как знать, где что найдешь и что потеряешь! Под филином промышленник нашел девять соболей. У них были отгены толстые голыши, а шкурки, эти драгоценные черные куртки значительны, единственных в мире баргузинских высокогорных соболей, во всей своей полноценности достались охотнику.

Так проходили тысячи лет. Из лесных густавейств создавалось огромное. Сколько жаждал бы отдано в погоне за маленькими, меньше кошки, гибкими, хитрыми и пушистыми зверьком. Ведь целая мирная страна. Други почти только из-за одних соболей была раз-

соболь..

граблена и совсем уничтожена в семидесятом веке казашами наместник. И за все эти тысяч лет следопыты в логоте за снастьем не могли догадаться об одном простом явлении, являе послужившем основой для искусственного разведения соболей в зоопарках и зоофермах. Все промышленники охотились на соболя конечно зимой и, замечая на снегу следы, многок веков думали, что соболь, как и многие другие пушные звери, спяറിваются в феэрале. Разумеется, многократно раз пробовали ловить соболей и оставлять их для спяривания в клетках. Все эти попытки не имели успеха — в искусственных условиях таяющий зверь не мог размножаться. Промышленники потому не могли догадаться об одном простом явлении, являе послужившем основой для искусственного разведения соболей в зоопарках и зоофермах. Все промышленники охотились на соболя конечно зимой и, замечая на снегу следы, многок веков думали, что соболь, как и многие другие пушные звери, спяриваются в феэрале. Разумеется, многократно раз пробовали ловить соболей и оставлять их для спяривания в клетках. Все эти попытки не имели успеха — в искусственных условиях таяющий зверь не мог размножаться. Промышленники потому не могли догадаться об одном простом явлении, являе послужившем основой для искусственного разведения соболей, что наблюдали соболя только зимой, во время охоты. А как только выяснил за дело биологи, то они скоро открыли, что соболь спяриваются летом, потом они открыли, что оплодотворенное летом яйцо делит, не прорастая, прилживательно до того времени, когда зимой у других пушных зверей начинается их тон; вот тогда начинается яйцо прорастать, и это спяривается явлением ложного тона.

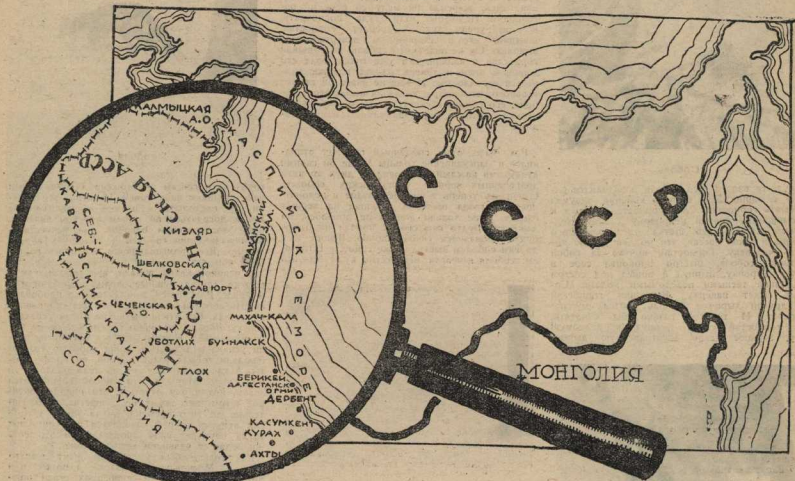
Как только был установлен факт летнего тона, в Московском зоопарке, а потом и в других питомниках зоофермах стали рождаться соболя, и можно сказать теперь с полной уверенностью, что в недалеком времени соболя на фермах будут размножаться с таким же успехом, как серебристо-черные лисички.

Добль..

СТРАНА ГОР

(Дагестан)

I. ГОРОДА

Белый город за Каспием—столица еще не открытой страны. Махач-Кала—штаб социалистической разведки. Сюда из далеких ущелий предгорий, с увенчанных снегами вершин Базардюзю, из лиановых лесов дельты Сулаки несут и резулт нести о дремлющих несметных богатствах страны.

Самое высочкое в Европе человеческое поселение—аул Курчи (2465 метров), и самая гонимая в мире гидроэлектростанция (на 15 процентов дешевле днепровской), горные аулы, тонущие в тумане, с одной стороны, и 45 лошадиных сил на 1 квадратный километр, с другой—это лицо страны гор, занимающей теперь первое место в СССР по энергооборуженности.

Кровью и пожарами целых поселений—за пример бунтовщикам—завоеванная царизм Дагестан. Горы сопротивлялись, они были залесты на замок отчужденности, недоверия, ненависти.

В апреле восемнадцатого года близкие разбитые, поддерживаемые предателями Махач-Кала (тогда—порт Петровск) и восстановившей безлунной аулов, впервые утвердили в стране гор власть советов.

И тут впервые открылись тайны ущелий: драгоценные камни и руды, буйные реки, тающие миллионы киловатт-часов, земля зашлепа садами, а невода потонули рыбу—чешуйчатое серебро каспийских вод.

На границе Дагестана и Чечни, около Керекского перевала,—горное озеро Эзев-Ам. Оно заковано в броню гор. Оно родилось в грохоте обвала, преобразованного ущелье с небольшой рекой в форальное озеро. Здесь пока не ведутся работы, как на Сулаке или Самуре, но здесь рано или поздно родится застреланщина.

Столица 30 наций, 81 народности, город большого порта, дельты советских фабрик и заводов с разношерстной сутолокой базара держит нити великого преобразования плоскости, предгорий и гор,—всего Дагестана, бывшего в прошлом камиравшей колонией великодержавного царизма.

Перечислять богатства Дагестана—значит говорить о горючих газах, угле, железе, нефти, свинцово-серебряных рудах, о меди, золоте, редких элементах, об азийских настоящих и многоголовой горно, о косяках рыбы, о садах и виноградях, о хлопке, кевафе, курортах.

Страна контрастов. В горах еще сильны аулаки и мушлы, но ведь там же, в горах, достраивается Гергубель и крапнут товариществу на совместному уходу за скотом и садами и сабугу производству!

Мушлы запрещает женщине уходить из аула, и вот интересно, как АМО помог горнякам переступить суровый закон гор. Совхоз (плодоуловный) в Бедлажи ежедневно чуть свет посылет к аулу машину, ежедневно горника-отходника на авто едет в поле, а вечером—обратно в аул.

Сила горных рек, горные газы, руды, рыба, сады, животноводство, технически, культуру—вот контуры нового Дагестана, совсем не похожего на Дагестан старый, как не похоже Махач-Кала с ее гулом будущих асфальтов на бывшие военные поселения в горах Кавказа.

Чтобы великие ценности гор и предгорий привезти в города, нужна дорога. Здесь вопрос о колесной дороге—вопрос большой трудности.

В предгорьях—одна единственная железнодорожная ветка в 40 км. от Махач-Калы до Буйнакса (6. Темир-Хан-Шура). Проехать полсотни километров за три часа в набитом до отказа трехгональном составе—удовольствие из средних. Не решает дела конечно обновленный колесный дорога в горах. Строительство ее—дело революционное, партийное дело. Те

280 км, которые проложены в Дагестане за первые три года пятилетки, говорят об исключительном внимании к дорожному строительству правительстве, обкома партии и общественности.

Вторая пятилетка, из которой Дагестан выйдет мощным индустриальным районом, наметит устройство новых железнодорожных линий, реконструкцию порта столицы, сооружение порта в Дербенте, 2000 км. безрельсовых дорог, мосты, переезды.

Социалистическая переделка хозяйства горного Дагестана властью требует ликвидации бездорожья и улучшения связи. Партийный городок готовит кадры руководителей горных аулов, поселков плоскости. Преподвание ведется на пяти языках—на русском, аварском, дагеставском, курыкском, даргинском. Здесь районный партийный актив—сельсоветчики, кооператоры, профсоюзники, организаторы производственных объединений и колхозов, звяды аулов, параване с жестокостью адалов, с властным словом стухми, что значит род.

1500 активистов страны гор, в течение года получив знания в городке, будут разъяснять ущелье Ленина и Сталина молодежи и старикам, рассказывать историю революции в горах.

II. ДАГЕСТАН ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ

Электричество, сила горных рек, переиспользования на миллионы киловатт,—вот будущее, заманчивое, увлекательное, романтичное. Французская компания метала на Самур, англичане — на Сулак.

Справка первая: Из всех обследованных рек СССР р. Сулак стоит на первом месте в отношении глубины, узости ущелий, наличия многих мест для устройства водохранилищ, близости ущелий с станицам железной дороги (20—30 км) и удобных грушевых путей к ним.

Справка вторая: Средняя мощность Сулака без притоков определяется в 325 тыс. лощ. сил. Притоки Су-

ОТ СТАНКА — К МОЛЬБЕРТУ

Из вагона на платформу станции с задорным тоном выслала группа ребят. У каждого в руках — большие пакеты, рулоны бумаги, аккуратные деревянные ящики. Так обычно спарываются художники, отправляясь на зарисовки.

И действительно, эти рабочие ребята были начинающие художники, впервые выехавшие за несколько десятков километров от Москвы на крупную новостройку — Бобрики. Молодой коллектив — Изаора — организован московским Трестом лишь 3—4 месяца тому назад. Вылазка в Бобрики — первая серьезная проба сил.

От станции до новостройки — несколько километров. Погода стояла жаркая. В воздухе колохалась пыль от непрерывно разехавшихся автомобилей и телег с известью, кирпичом, землей и тесом.

Бобрики широко раскинулись по всему горизонту. Всюду торчали высокие крыши баряков, строила леса, зубцы неоконченных кирпичных стен, громады полустроительных газгольдеров. Вся земля была искутана стальными зубами экскаваторов. Всюду торчали сваленные в кучу бревна, трубы, ящики.

Жара стояла отчаянная. Солнце от палы и дыма казалось желтым мутным диском. Но люди ходили бодро и удивительно быстро.

В райком комсомола холодно приняты ребят. Крупный разговор с секретарем, отсутствие обещаний, усталость — все это могло охладить пыл у кого угодно.

Вечером можно было увидеть изобразков в красном углу. Они шумно обсуждали план будущей работы.

Этюд
(Картина Малого)

Пузыряков

А через две недели эти принятые владеть так холодно гости пользовались и в райкоме и среди рабочих в бараках огромный анжанием.

Это были они, авторы многочисленных плакатов, приславших в разных концах строительства заниматься физкультурой, сыграть брак, беречь каждую доску, каждый гвоздь. Плакаты сначала выразились на картоне и являлись быстро распространялись в какой угодно количестве экземпляров по всему строительству.

А еще через неделю, когда ребята уже начали укладывать пенки, готовясь к возвращению в Москву (отпуск близился к концу), у здания райкома, в центре комбината, с утра до вечера толпились рабочие, рассматривая большую галерею удивников. Двухметровые портреты лучших борцов за промпрофицели были на-

писаны масляными красками, под каждым красавцем подписи, и показатели работы.

Рабочие приходили, узнавая своих. В глазах вспыхивала гордость, радость, а иногда и зависть.

С тысячами обещаний еще раз приехать на стройку ребята по той же знакомой пыльной дороге тронулись в обратный путь. Ноζει была напряженнейшая месячная работа, проведенная в фронтовых условиях новостройки, в жару, доходящей до тропического зноя, в неудобных помещениях, но работа даяная, интересная, боевая.

В Москве, в бесконечных помещениях бывших коммунальских рядов, среди бесчисленных учреждений, организаций, курсов и магазинов, в полуподвальной низкой комнате, темной и сырой, седелено в любой час можно встрет-

Комсомол в Германии
(Эскиз)

Рейнер

тить изобразков, критикуют работающих у мольбертов и столов.

По стенам развешены неоконченные плакаты, эскизы, картины, рисунки углем, карикатуры. Полстены занимает газета «Теоретическая трибуна», украшенная забавными рисунками и боевыми надписями.

На столах — вся кухня художника: банки, кисти, краски, альб., бумага.

Высокий парень с белой шапкой волос делает эскиз к картине «Комсомол на Западе». На рисунке группа комсомольцев на дне типичного берлинского дома-колоды приветствует жителей галереи, украшенные вычурными знаменскими, пестрыми и клетчатыми, пошлостью закрываются, и сквозь стекло проглядывают туфли физиономии обывателей. Из окон же верхних этажей, где жгут пролетарии, свешиваются красные куски материи — знамя приветствия и солдатского.

Рисунок еще не окончен. Автор знает, что ищет наиболее выразительное, наиболее типичное лицо высушенного из окна пробочего.

В мастерской студия пылит, бегают, естрадать, как про него здесь говорит, Вася Пахо-

мов. Он уже давно работает над плакатом о марксистско-ленинском учении, который необходимо завтра сдать редактору Изюгина.

Он хочет добиться, помимо четкой, выразительной формы, живого, правдивого типажа. Это нелегко. Вот почему так напряжено, так насобачиво фотает Вася над своим плакатом. Этот плакат можно видеть теперь во всех витринах, клубах и издательских.

Закадничный друг Пахомова, вместе с ним еще несколько лет назад принесший в реализацию «Комсомол» свои первые опыты, Саша Пузыряков, разложил на полу целую серию акварельных эскизов, пейзажей и зарисовок, которым позавидовали бы многие художники-профессионалы. Эти красочные, звучные наброски не носят и следа провинного, провинциального искусства самоучек. Здесь много от культуры французского искусства, много от мастерства видных советских художников.

Плакат

Июмов

Используя эти заготовки, молодой художник будет писать большое панно из жизни колхозного комсомола. На мольберте уже стоит эскиз будущего панно, наложено покрытие густыми мазиками жирных красок.

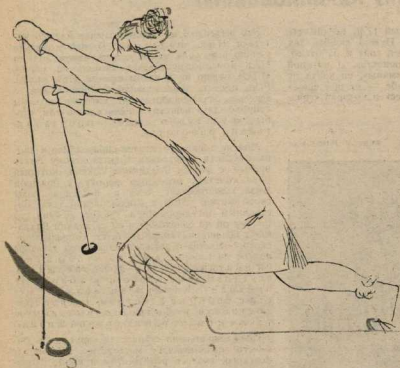
В углу молчаливо сидит угрюмый парень, склеивающий голову над рисунком. Он в Изгоре недавно, но его рисункам завидуют все ребята. Самый старый комсомолец у коллектива, он недавно пришелся рисовать, по любви к этому делу и пониманию искусства зрели в нем даду, еще когда он и кузнечном деле ударил большие молотком. Пыль умеет рисовать так, что некоторые его работы можно принять за произведения зрелого художника. Но его не удовлетворяют рисунки. Ему хочется написать большую картину из борьбы комсомола на производстве.

Кругом размещены ребята, по вечерам их бывает до сотни человек. Многие делают рисунки к панелям, плакатам и карикатурам. Некоторые пишут дикторские, третьи коллективно обсуждают работу товарища.

Почти каждый день на час или два все прекращают работу, чтобы послушать лекцию искусствоведа, преподавателя или просто известного художника-профессионала.

На комсомольских собраниях, на которых присутствуют весь коллектив, обсуждают актуальные вопросы дальнейшего роста, правильной организации труда и учебы.

В низкой комнате полуподвального помещения растут кадры молодых притягательных художников, лучших от слобод, сваводов и фабрик, пришедшему беря высоты искусства, его техники и мастерства.

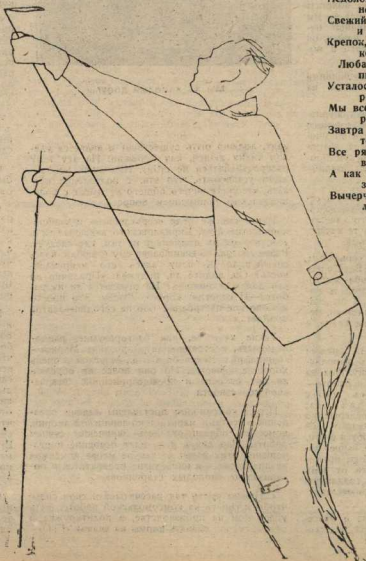

Вылазка

Поюшу лыжами Шуру.
Разве догнать ее?
Где уж? Как?
Снежный за ней
пролетаю вал.
Заорово ходит
любимая девушка,
Тетка моя,
Полаетева!
Все далеко, далеко еще;
Догнал.
Задыхаясь, стали...
Кровь уймбалась
с округластей щек,
И вапки в руках дрожали.
Вечер,

постой-ка,
постой, не дуй!
Пусть испоним
летом смехом...
Недолго,
но крепко был поцелуй,
Свежий
и пахнущий снегом.
Крепок, хорош
комсомольский возраст,
Любля провиния —
впр нам.
Усталость,
рождающую силу и бодрость,
Мы все
развели по квартирам.
Завтра к станкам —
точить, нарезать.
Все рядом —
вечером в школе.
А как выходной —
за город опять,
Вычерчивать
лыжами поле.

Лыж
направляя скользкий ход,
Начальственно
брови хмури,
За город
заманков бригаду ведет
Подруга моя — Шура.
Солнцу и снегу
она рада,
Хоть путь
предстоит не ближний;
Но Шура —
токарь третьего разряда
и первоурядный
лыжник.
Улыбками
стекла домов провожали нас,
Покорный снег
лет под лыжи,
Мою
загустевшую кровь
горожанина
Мороз
разгоняет по жилам.
Привыкшая
к душному неху гуль
Морозным потоком
поднимся,
По россыпи солида
в пять минут
Рассыпалась
лыжная конница.
Несемся,
в ленты следов
за нами.
Быстрее,
глади со свистом вонзай!
Вдур Шура,
Снег пристыдил зубами,
Мне кричула:
«Догоний!»
Летит, раздуваясь,
зидовое платье,
Палки колят
снежную шкуру;
Я догона,
как удачу,
как счастье.

ОТВЕТ „СМЕНЫ“ МИХАИЛУ КИРИЛЛОВСКОМУ

«...История у меня такая: общественная работа со школьной скамьи, поступление на производственное комсомольское заводское отделение, поступление в институт, в институтскую политтехучебу, и ни одной свободной минутки...»

Так начинается свое письмо в редакцию «Смены» Т. Кирилловский (напечатано в № 14 журнала под заголовком «О молодых старичках»).

Так же работают тысячи и даже миллионы молодых пролетариев и трудящихся нашей страны. Однако в их биографиях не так уже так похоже на историю Михаила Кирилловского.

«...Но куда лесла живой темперамент юноши?—спрашивает он.—Я сделался черствым, сухим, скучным человеком, как секретарь парткомюжков в «Классе» Кириллова. Если как-нибудь случайно придется остаться в досуговой, я не знаю, о чем в ней говорить, кроме работы, политтехучебы и т. д.»

Мне 20-й год. Лучшие юношеские годы прошли в усложненной общественной работе, а у ни одной девушки интимно не знал...»

Тов. Кирилловский в продолжение всего своего письма говорит о том, что недостатком своим подавлением чувств я достиг высшего благодушия, рациональности. Зря ничего не скажу, не сделаю, — все с расчетом. Но по поводу самого незначительного происшествия могу написать с лабосом целый политический трактат о классовой борьбе и т. д.»

«...Как, уважаемые мои, консультанты, исправить такой характер? Каким образом сохранить партийную рациональность, умеря в то же время быт эмоционально живым, а не сухим и черствым?...»

Трудно предложить Т. Кирилловскому какой-либо совершенно точный рецепт, следуя которому он получит в итоге желаемых положительных качества. Да это и не зная консультанты, и если бы затронули писем вопроса касались лишь одного человека (автора), то мы бы отказывались от «инцидента» в личной переписке. Но этот вопрос безусловно важен, он волнует широкие круги комсомольского и молодежного актива.

Это положение подтвердилось поступившим в редакцию многочисленным откликами на письмо «О молодых старичках».

Проведенное в предыдущих номерах журнала обсуждение писем Михаила Кирилловского стояло на довольно высоком уровне и во многом дает ответ на целый ряд вопросов, затронутых в письме. Нам придется лишь суммировать наиболее правильные положения, конкретизировать выводы.

Хотя большинство откликов содержало в себе критику «характера» Михаила Кирилловского, нашлись не только сторонники его качества, но и теоретики, повеление вниз под те качества, на которые жаловался автор письма.

«...Надо! Обязательно надо быть серьезным, духовно расчистанным!—восклицает В. Сергеевич (Ленинград).—Наша жизнь, борьба жестокая, решающая, требуют быть такими и ничуть не юнгами. Глупо никак думать! Я бы сказал, что в наши дни надо быть серьезным, непреклонным человеком-бойцом, мы на войне, а война — это по-настоящему!»

В этой части своего выступления Т. Сергеевич прав. Мы привлекли серьезность в выполнении работы, порученной комсомольцу. Мы за деловитость, мы за ленинскую стиль в работе — «Американская деловитость» — это русская революция и она в размаху, мы за непреклонность, — качества, совершенно необходимые для большевика. Однако вся беда и ошибка Т. Сергеевича заключаются в том, что он пытается все перечисленные выше качества внести в практику жизни, в быт, применяя их неправильно, и, отталкиваясь от этих моментов, пытается создать давно созданный и осужденный общественно-теоретический «современный быт».

Любовь должна быть понята раз и навсегда — говорит Сергеевич — как процесс взаимодействия...

дымля, неизбежный, грязный (?), но (видите ли) энергообудоживающий. Нужно любить так же серьезно, как едят, пьют, спят и работают. Смех тут: обязательная «юность», о которой скривит до слез жалкие «мамы», ни черта не понимающие в нашей борьбе, — не при чем...»

Любовь, которая «проросла» и которая «грозит»...

Фото М. Розенблюма

Мы за веселый досуг

...на», должно бы существовать и является удаком таких людей, как Сергеевич. На эту тему распространяться не стоит. Нам лишь необходимо установить, что это, с позволения автора, «теория» ничего общего не имеет с большевистским пониманием вопроса.

Точно так же беда «серьезности» и «непреклонности» Мих. Кирилловского заключается в том, что он их применяет не там, где заслуживает. Сергеевич, обшиваясь ему, надо классовой враг? К чему здесь его «непреклонность», Он, видите ли, подумал: «Прилично ли это для комсомольца? Не отразится ли на работе?—И ответил: «Брось, Лютик. Это просто милое, неостренное, оно не сегодня—завтра пройдет...»

Такие качества, как благодушие, рациональность, постоянное штурдование Маркса-Ленина, политтехучебы и т. д., безусловно очень хорошие качества. Но они вовсе не обуславливают сухости и преждевременной старческой серьезности.

Перед комсомолом поставлены задачи овладения высшими марксистско-ленинской теорией, коммунистическим образом овладеть ленинским стилем работы. Это для дня идет основное и разрешение этих задач. И тем не менее комсомолец не превратится и никогда не превратится в организацию «молодых старичков».

«...Нужно уметь так рассуждать свои мысли, чтобы и гореть на комсомольской работе, быть членом в производстве, в заводской и одновременно славить нормы на японск «ТЮ»

Это выдержка из письма-отклика нашего читателя Ннк. Физатова. В ней довольно удачно выражена мысль о том, какие должны быть коммунистические стандарты. «ТЮ» нужно не в узком смысле этой фразы. Речь идет о полнокровной бодрой жизни, о веселье, жизнереодности, которые должны сопровождать наш труд. Речь идет о том, чтобы «культурно жить» — производить и работать».

Многие товарищи вполне справедливо в своих откликах советовали Кирилловскому брать пример с жизни Владимира Ильича, который умел сочетать огромную работу с большой жизнереодностью даже в последние годы своей жизни. Если Т. Кирилловский занят постоянно штурдованием грузов Ленина, то почему он не ознакомился со взглядами Владимира Ильича на вопросы быта социалистического общества. Критику теоретиком «станка воды», он говорит: «...Не то, чтобы в своей критике хотел проповедовать аскетизм. Мне этого в голову не приходит. Коммунизм должен нести с собой не аскетизм, а жизнереодность и бодрость, вызванную также и полнотой адовой жизни».

Преждевременная старческая серьезность рабочего механических мастерских М. Кирилловского являлась результатом в основе неправильных установок в вопросах самообразования. Взяв ставку на овладение теорией, он совершенно оторвался от жизни, от коллектива, превратившись в «старичка» в книжном мире, в одном из тех людей, которых Владимир Ильич бичевал на III съезде РКСМ: «...без работы, без борьбы книжное знание коммуниста не из коммунистических брошюр и произведений равно ничего не стоит».

Кирилловский возможно и освоил кое-какие труды теоретиков марксизма. Однако освоил по-книжному, не увязывая теорию с практикой...»

«...По поводу самого незначительного происшествия могу с лабосом написать целый политический трактат о классовой борьбе и т. д.» — пишет он. Ну что же, очень скверно. Но всякому случию извинять, да еще с лабосом, целые политические трактаты не следует. Было бы гораздо лучше освоить простой человеческий язык и на нем разговаривать с товарищами «незначительных происшествий». Тогда бы он гораздо лучше себя чувствовал в коллективе, нашел темы для разговора с товарищами, в том числе и с Люским, позая бы не слабость, а силу теоретических знаний.

С этой точки зрения совершенно правильным было замечание в отклике Ольги Ильинской:

«...Путь и способ исправления «характера» Миши Кирилловского много, но основной путь, по-моему, один — это большая близость к коллективу, к товарищам, к их коллективной чуткости к нему. Ведь такие качества, как «эмоциональность» и прочие, они нужны главным образом для коллектива и в коллективе. Будучи членом с собой, не станешь ни плавить ни смеяться...»

Правильно. Однако во многом нужно винить и коллектив, который дал возможность Кирилловскому сблизиться с пути, не приобщив его к бодрой комсомольской жизни. Нужно сказать, что невниманию к личной жизни комсомольца — весьма распространяемое явление в наших организациях. Это невнимание порождает «молодых старичков». На этом совершенно справедливо акцентировали товарищи в своих письмах откликать: «Я считаю» — пишет Т. Кирилловский — что причина моего «старичества» — комсомольцев, в котором состоит Т. Кирилловский. Его письмо доказывает, что коллектив не сумел урегулировать его личные дела, не сумел подойти к нему с той чуткостью, которая нужна в данном случае».

Письмо Кирилловского — один из многочисленных случаев нашей жизни. Чуткое, внимательное отношение к членам своей организации должен проявлять комсомолец последовательно...

Бесит их как кот, отряжая бесчисленные омы плазмозонные Смерть морской оводы, проносится по кругу колодежки.

Напрягая мускулистые тела, отталкиваясь бамбуковыми палками от снежного места, отталкиваются на вылазку ладники.

В обширных зимних залах не умиряют аймай и леткая стелания и скардрия зимнищества.

Но не всегда можно провести свой досуг на свежем воздухе или в зимнем зале. Иногда приходится собираться в небольшой комнате и не знать, чем бы заняться. Между тем есть много игр, интересных и в то же время простых, которые могут поборить скуку и тоску.

Несколько таких игр мы предлагаем сегодня нашим читателям.

СЛЕПОЙ ЖАНДАРМ

В конспиративную квартиру подпольщиков приходит жандарм. Света нет. Ослепло пытаясь он найти кого-нибудь в комнате.

Люди, находящиеся в помещении, стараются не выдать своего присутствия.

Участнику, изображающему жандарма, завязывают глаза. Игроки расходятся по комнате, изображая подпольщиков.

По сигналу все застыивают на своих местах, и поиски начинаются.

Во время игры «подпольщики» не имеют права сидеть с места.

Правые ноги всех конспираторов как бы прибиты к одной точке. Но при приближении жандарма можно сделать выпад вперед, отойти назад, вперед или в сторону, выкатывая или пригнывая ноги в том случае нельзя изменить места стояния.

Завязанный жандармом или сошедший с места завязывает себе глаза и меняет ролью с жандармом.

По второму — закрывает глаза.

По третьему — идут к центру и старается, не устранив лишней толкотни и паники, найти ослепшего светом. Тот, кто нашел светом, дает об этом знать свистом.

Разделившись на партии красных и белых, можно считать победительнейшей ту из них, игрок которой отыщет неприятельский сигнал.

ВЕРНЫЙ ГЛАЗ

Всем игрокам раздают бумажные полоски одинаковой длины и карандаши.

Ведущий игру хлопает в ладоши — игроки вооружаются карандашами. Затем ведущий считает до пяти, а все участники в это время стараются как можно точнее определить середину бумажной полоски и отметить ее карандашом.

Пометку разрешается ставить только один раз; никакими измерительными приборами пользоваться нельзя.

Наиболее точно определивший середину выигрывает. Если игроков много, можно разделиться на две партии. Выигрывает партия, которая наберет больше очков.

ЗАСМЕЯСЬ — НЕ ХОЧУ

Выбирают двух игроков, в задачу которых входит разрешить присутствующим. Все сидит рядом и смотрит на их поступки. Сместить можно местами, шмыком, словами. Трогать нельзя.

От изобретательности ребят зависит вылука какой-либо интересной сапты на эту тему или отдаленную тему. Можно исполнить заступки или рассказать что-нибудь веселое собственного сочинения, прочитанное или услышанное.

Рассмеявшись является местом с «эристом» и продолжает его работу.

КОЛЛЕКТИВНЫЙ РАССКАЗ

Один из игроков начинает рассказывать какую-нибудь историю на любую, по собственному выбору, тему. Прервав ее на одном из сложных мест (например перед большой горой или во время осады крепости), он приказывает продолжить ее другому товарищу. Эту в свою очередь после двух-трех минут передает рассказ следующему игроку, и игра продолжается до тех пор, пока все присутствующие не примут участия в рассказе.

Каждый рассказчик обязан внимательно слушать предыдущего сочинителя и следить, чтобы события общего рассказа были увязаны между собой.

На долю последнего выпадает придумывать развязку, и пожалуй его роль самая трудная.

Кроме вымышленных событий темой для рассказов могут служить действительно исторические события, а также различные случаи из повседневной жизни.

Этим же способом можно проработать любую тему беседы или книги.

КТО ОН?

Из среды играющих выбирают двое ребят, которых выисывают временно из комнаты. После их

убытка придумывают им роль, чтобы совершенно противоположные по своему характеру, но известные ребятам. Например первого игрока называют Чебарбеком, второго — Чарли Чаллином.

Каждому из двух сообщают имя своего противника, а в отношении остальных неведомым.

Оба садятся лицом в общей комнате и начинают вести разговор, причем каждый старается косвенными вопросами выяснить свое имя.

Партнеры постепенно извещают ответы и вопросы приходят друг другу на помощь.

В разговор особенно интересно ввести политические события и личность.

Первым угадавшим свое имя является победителем. Пары меняются до тех пор, пока все участники не испробуют своих сил в игре.

ОТСТУПАЙ — НАСТУПАЙ

Руководитель игры помещается в центре образованного ребятами круга.

Все стоит, заложив руки назад и спиной к стене нет. Руководитель подает команду:

«От!» (сокращение слова «отступай») или «на!» («наступай»).

При команде «на» все выставляют левую ногу вперед.

При команде «от» та же нога отстает назад.

При повторении команды все остается без движения.

Команду необходимо выполнять, тотчас же не раздумывая, причем ошибок исправлять нельзя; как прыгнула, в таком положении и остаешься.

Онабывавший становится в круг и помогает «командиру» замечать неправильное исполнение расширений.

Выигрывают три игрока, проявившие наибольшую находчивость.

ВЫЛАЗКА

По первому сигналу все располагается вокруг лежащего в центре комнаты снажка на одинаковом от него расстоянии.

ТВОРЧЕСКИЙ КОЛЛЕКТИВ „СМЕНЫ“

При журнале «Смена» организован творческий производственный коллектив.

В коллектив входят гг. Е. Абресмов, А. Жданов, М. Гольдберг, Н. Добровольский, Д. Кедрин, П. Панченко, А. Шпирт, А. Ойслендер, Н. Сидоренко, Е. Павличенко, П. Железнов, А. Коваленко, Т. Велелицкий, В. Кожеников, М. Шагара, Я. Бельский, Г. Баранов и др.

Вольничные члены объединения являются уже выжившими молодежными поэтами и писателями, печатаются в журналах, сборниках и газетах. Некоторые имеют свои книги.

В работе коллектива принимают участие Жданов, Мамонтов, Колосов, Уткин — представители первого поколения комсомольских писателей и поэтов, — а также крупные критики и литераторы: в частности двух декадников разбиралось творчество членов объединения гг. Шпирта и Жданова.

Разбор поэмы Александра Шпирта «Заветы» выявил значительный рост автора. Взяв актуальную тему — о рабочем объединителе, — Шпирт вскрывает основы нового отношения к машине.

Второй декадик был посвящен Александру Жданову. Творчество Жданова характерно силой свежести, бодростью, актуальностью. Автор берет и правильно разрешает так мало разработанные у нас спортивные и интернациональные темы.

На ближайших декадниках будут обсуждаться стихи А.Коваленкова, Кедрова, Лебедева и проза Т. Велелицкого, Н. Добровольского.

Литобъединение «Смена», взяв в основу решение партии от 23IV 1932 г., поставило своей задачей борьбу за выявление и дальнейший рост писательского молодняка, борьбу за качество творчества.

Внутри объединения созданы творческие бригады, работающие по тематическим заданиям: например изображение строящихся метрополитена, показ людей второго сорта и т. д.

К. П.

СОДЕРЖАНИЕ

Повысить качество боеиспособности комсомола. К итогам VII пленума ЦК ВЛКСМ.

Рассказы и очерки: Дим. Бибеев — Генебур и автобусы, Ан. Гурьянов — Декларация профсоюзников, В. Немчинов — Суицидальный акт, Кат-Ва ишиа, докторе, Мил. Притвиня — Забытый зверь, В. Костин — От слепка и мольберта.

А. Кудрявцев — Электроподпольная трансформаторная, Евг. Абрамович — Мама и социализм, Иеф Лас — Голубяшки, А. Жданов — Вылазка.

Сюжеты первых пятилетки: А. Радин — Работа

по выносу консульства.

Птички: Хрустия культура и быта.

Игры в комнате: Рисунок и

П. Дронова, Соффертос, А. Пономарев, Ф. Мулдашев.

Фотом: А. Дронова, Крайневский, Мих. Притвиня, М. Ровинава.

Обложка — Па ладках. Фото Н. Виноградовой.

ПО ПРАВКА

В этом номере на стр. 9 печаталась фамилия автора. Печаталось: АН. ЧИГОВ, следует читать: АН. ЧАРОВ.

Отв. редактор В. Вельмин. Отв. секретарь Я. Черник.

Сдана в набор 3 XII, подписана к печати 23 XII — 31 г., 114, бум. листа.

Упомянутый Главгиз № В-43331

Издатель: Издательство ЦК ВЛКСМ «Правда», сектор «Комсомольская правда»

Изд. № 1205

164.948 и в б. ум. л.

Типография газет «Правда», Москва, улица им. Горького, 48

Зах. 2802 Тираж 42 960.

Осоавиахим - опора мирного труда и обороны СССР - боевой резерв Работе-Крестьянской Красной армии

Империализм готовит контрреволюционную интервенцию против СССР. Рабочий, колхозник, трудящийся, крепи оборону страны — активно участвуй в реализации 7-й лотереи ОЛХ.

Ни одной пяди чужой земли не хотим, но и своей земли, ни одного вершка своей земли не отдадим никому. /СТАЛИН/

Каждый завод, колхоз и МТС превратит в несокрушимую крепость обороны СССР. Реализацией 7-й лотереи Осоавиахима ладим 70 млн. рублей на оборону Страны советов.

РАБОЧИЙ, РАБОТНИЦА!

Покупая билеты 7-й лотереи, ты наносишь удар по попыткам контрреволюционной интервенции против СССР.

Трудящийся! Каждый рубль, вложенный тобой в 7-ю лотерею Осоавиахима, означает постройку десятков авиационных и планерных школ, сотен учебных пунктов и военных станций, организацию тысяч химических школ и курсов.

Ты можешь выиграть:

- Путешествие вокруг света,
- По Европе,
- По СССР на самолете.

Ты можешь выиграть:

- Автомобиль, моторную лодку, трактор, велосипед,
- сельскохозяйственные орудия, охотничье ружье и т. д. и т. п.

ВСЕГО ВЫИГРЫШЕЙ 162.268
НА СУММУ 7.000.000 РУБЛЕЙ.

РАБОЧИЙ, РАБОТНИЦА, КОЛХОЗНИК, КОЛХОЗНИЦА!

Помогая проведению 7-й лотереи, ты содействуешь развертыванию военной учебы среди трудящихся, техническому оснащению Осоавиахима.

Покупай и распространяй билеты 7-й лотереи.
Укрепляй оборону страны строящегося социализма.